

Информационная эпоха

Мануэль Кастельс -мыслитель и исследователь

Предисловие научного редактора русского издания

Любая незаурядная книга может быть осмыслена в различных контекстах, оценена с различных точек зрения. Для российского читателя, небезразличного к судьбам своей страны, получивший мировое признание трехтомный труд профессора М. Кастельса может послужить путеводной нитью в выборе позиции относительно возможных траекторий развития России в ближайшие десятилетия. Если угодно ~ это и справочник, и учебник, и нравственный ориентир, хотя автор и не стремился выглядеть ни энциклопедистом, ни пророком, ни учителем.

Сам он эпитафией к "Прологу" так объясняет свой вклад в понимание современного мира:

"- Вы думаете, я ученый, начитанный человек?
- Конечно, - ответил Цзи-гонг. - А разве нет?
- Совсем нет, - сказал Конфуций. - Я просто ухватил одну нить, которая связывает все остальное".

Творческая свобода, с которой написана книга, поражает. Именно она - предпосылка серьезного результата, достигнутого Мануэлем Кастельсом.

Узкие специалисты могут написать тома критических комментариев по поводу многих отдельно взятых сюжетов, узлов фактов, интерпретации частных случаев. На то они и специалисты по этим частностям. Но проблема всегда сводится к тому, как подняться над этими частностями и "ухватить одну нить, которая связывает все остальное". В профессиональной среде такие попытки обычно первоначально встречают скепсис и даже плохо скрываемое раздражение. Однако общественный интерес неизменно направлен на этих -искателей путеводных нитей.

Мануэль Кастельс (Manuel Castells) - один из самых авторитетных социальных мыслителей и исследователей современного мира.

Он родился в 1942 г. в Испании, участвовал в антифранкистском движении. Затем учился в Париже, профессор Алан Турен считает его своим наиболее выдающимся учеником. В течение 12 лет он преподавал социологию города в Париже, в Высшей школе социальных наук (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales). С 1979 г. - профессор Калифорнийского университета (Беркли), в этом же университете несколько лет он руководил Институтом исследований стран Западной Европы. В течение нескольких лет по приглашению Правительства Испании он одновременно работал директором Института социологии новых технологий при Автономном университете в Мадриде (1988-1994 гг.). Он читал лекции в качестве приглашенного профессора в университетах Чили, Монреаля, Мехико, Каракаса, Женевы, Висконсин-Мэдисона, Токио, Бостона, Гонконга, Сингапура, Тайваня, Амстердама и др.

С 1984 г. неоднократно бывал в СССР - России. Весной 1992 г. руководил группой экспертов, приглашенных Правительством Российской Федерации. В числе экспертов, в частности, были нынешний президент Бразилии профессор Фернандо Кардозо

(написавший ряд работ совместно с Мануэлем Кастельсом) и выдающийся французский социолог Ален Турен. М. Кастельс опубликовал ряд статей в российских газетах по проблемам реформирования страны, издал позднее книгу "Новая русская революция" ("La nueva revolución rusa". Madrid, 1992) и "Коллапс советского коммунизма: взгляд из информационного общества" ("The Collapse of Soviet Communism: a View from the Information Society". Berkeley, 1995).

Всего им опубликовано 20 монографий, изданных и переизданных во многих странах Европы, Америки И Азии. Первой его книгой, получившей мировое признание, была монография "La question Urbaine" (Paris, 1972) ("The Urban Question". L., 1977). Затем последовала книга "The City and the Grassroots" (L., 1983), получившая премию C.W Mills, следующая этапная монография - "The Informational City" (Oxford, 1989).

И наконец, в 1996-1998 гг. М. Кастельс публикует фундаментальную трехтомную монографию, которая подводит итог его многолетним исследованиям о современном мире:

Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I-III. Oxford: Blackwell Publishers, 1996-1998.

С согласия автора предлагаем русскому читателю перевод первого тома с добавлением главы 1 из тома III (в нашем издании это глава 8, посвященная коллапсу СССР и состоянию современной России) и итогового заключения ко всей работе из того же тома III.

Чтобы читателю русского издания был более очевиден весь масштаб авторского замысла, реализованного в трехтомнике, приведу оглавление всей монографии (естественно, без наименований отдельных параграфов и частей параграфов, что обедняет представление о многообразии общественных явлений и связей, раскрываемых М. Кастельсом).

Том I. Подъем сетевого общества.

Пролог: Сеть и "Я".

1. Информационно-технологическая революция.
2. Информационная экономика и процесс глобализации.
3. Сетевое предприятие: культура, институты и организации информационной экономики,
4. Трансформация труда и занятости: сетевые работники, безработные и работники с гибким рабочим днем.
5. Культура реальной виртуальности: интеграция электронных средств коммуникации, конец массовой аудитории и возникновение интерактивных сетей.
6. Пространство потоков.
7. Край вечности: вневременное время.

Заключение: Сетевое общество.

Том II. Власть идентичности.

Введение: наш мир, наши жизни.

1. Общинные небеса: идентичность и смыслы в сетевом обществе.

2. Иное лицо Земли: социальные движения против нового глобального порядка.
3. Зеленеющее "Я": движения в защиту окружающей среды.
4. Конец патриархальности: социальные движения, семья и сексуальность в информационную эпоху.
5. Безвластное государство?
6. Информациональная политика и кризис демократии.

Заключение: Социальные изменения в сетевом обществе.

Том III. Конец тысячелетия.

Введение: время перемен.

1. Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза.
  2. Становление четвертого мира: информационный капитализм, нищета и социальная исключенность.
  3. Извращенная связь: глобальная криминальная экономика.
  4. Вперед к тихоокеанской эре? Поликультурные основания экономической взаимозависимости.
  5. Объединение Европы: глобализация, идентичность и сетевое государство.
- Заклучение: Осмысливая наш мир.

Монография посвящена всестороннему анализу фундаментальных цивилизационных процессов, вызванных к жизни принципиально новой ролью в современном мире информационных технологий. Выводы автора основываются не только на анализе данных национальных и международных статистических учетов, вторичном анализе экономических и социологических исследований других ученых, но и на его собственных крупномасштабных изысканиях. М. Кастельс проводил исследования в США, Японии, Тайване, Южной Корее, Гонконге, Китае, Западной Европе (Англии, Франции), России (особенно в Академгородках Сибири и Подмосковья).

В итоге он сформулировал целостную теорию, которая позволяет оценить фундаментальные последствия воздействия революции в информационных технологиях, охватывающей все области человеческой деятельности, на современный мир.

Кастельсу чужд примитивный технологический детерминизм. Так, он высказывает нетривиальное предположение, что революция в информационной технологии полусознательно распространяла через материальную культуру обществ освободительный дух, который расцвел в движениях 60-х годов.

Автор исследует возникновение новой универсальной социальной структуры, проявляющейся при этом в различных формах в зависимости от разнообразия культур и институтов. Эта новая социальная структура ассоциируется с возникновением нового способа развития - информационализма, в свою очередь, сформировавшегося под воздействием перестройки капиталистического способа производства к концу XX в.

По Кастельсу, общества организованы вокруг человеческих процессов, структурированных и исторически детерминированных в отношении производства, опыта и власти. При этом им подробно раскрывается эта система понятий и их взаимосвязь, а также взаимодействие с социальными идентичностями.

Социальные структуры взаимодействуют с производственными процессами, определяя правила присвоения, распределения и использования "излишка" (вторая часть продукта производственного процесса используется в форме потребления). Эти правила и составляют способы производства, а сами способы определяют социальные отношения в производстве, детерминируя существование социальных классов. Несложно заметить, что автор здесь обнаруживает близость к своему марксистскому прошлому. Ведь первая, давшая ему имя в науке книга "The Urban Question" не случайно имела подзаголовок "A Marxist Approach".

Кастельс пишет о том, что в XX в. человечество жило в основном при двух господствующих способах производства: капитализме и этатизме. В отличие от большинства авторов на Западе, которые либо вообще предпочитают не использовать понятие "капитализм", либо заявляют, что капитализм способен к улучшению, гуманизации, что в развитых странах сложился уже посткапиталистический строй, Кастельс часто подчеркивает, что капитализм сохраняет свои формообразующие особенности - наемный труд и конкуренцию в накоплении капитала. Да, сложился омоложенный информационный капитализм, который после ликвидации этатизма как системы менее чем за десятилетие пышно расцвел во всем мире. Это форма капитализма более жесткая в своих целях, но несравненно более гибкая в средствах, чем сформировавшаяся в 1930-1940-е годы под влиянием кейнсианства и идеологии общества всеобщего благосостояния.

Способ производства, как уже сказано, определяет присвоение и использование "-излишка". Но объем такого "излишка" определяется продуктивностью процессов производства. Уровни же продуктивности сами зависят от отношения между трудом и материалом, как функции использования средств производства путем применения энергии и знаний. Этот процесс характеризуется техническими отношениями в производстве, определяющими "способы развития". Это новое понятие, предложенное М. Кастельсом, чрезвычайно важно для понимания всей его книги, ее замысла, ее сути. Он так определяет это вводимое понятие: "Способы развития - это технологические схемы, через которые труд воздействует на материал, чтобы создать продукт, детерминируя, в конечном счете, величину и качество экономического излишка" (с. 39). Далее он называет прежние (аграрный и индустриальный) способы развития, раскрывая их специфические особенности и ключевой элемент, обеспечивающий в каждом из них повышение продуктивности производственного процесса.

"В новом, информационном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации. Разумеется, знания и информация являются критически важными элементами во всех способах развития, так как процесс производства всегда основан на некотором уровне знаний и на обработке информации. Однако специфическим для информационного способа развития является воздействие знания на само знание как главный источник производительности" (с. 39).

Хотелось бы отметить, что концепция способов развития во многом продолжает намеченную в набросках К. Маркса к "Капиталу" идею о производственных системах и производственных революциях. Маркс насчитал три такие системы - кустарную, мануфактурную, машинно-индустриальную (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 203-204, 229, 503 и др.; систематическое изложение этой теории см.: Viyakhman L., Shkaratan O. Man at Work. M., Progress Publishers, 1977. P. 27-37).

Сложившаяся в последние два десятилетия экономика нового типа именуется автором информационной и глобальной.

"Итак, *информационная* - так как производительность и конкурентоспособность факторов или агентов в этой экономике (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. *Глобальная* - потому что основные виды экономической деятельности, такие, как производство, потребление и циркуляция товаров и услуг, а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информация, технология, рынки) организуются в глобальном масштабе, непосредственно либо с использованием разветвленной сети, связывающей экономических агентов. И наконец, информационная к глобальная - потому что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существование конкуренции возможно лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети" (с. 81).

В отличие от мировой экономики, существующей на Западе с XVI в., суть которой (согласно Ф. Броделю и Э. Уоллерстайну) в том, что процесс накопления капитала происходит по всему миру, глобальная экономика представляет нечто другое. Это экономика, "способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты" (с. 105). Такого подхода к экономической глобализации в мировой литературе до М. Кастельса не было. Обычно отмечают совокупность таких процессов, как трансграничные потоки товаров, услуг, капитала, технологии, информации, людей, пространственную и институциональную интеграцию рынков и т.д.

Понятие "информационная экономика" (как и информационное общество) было введено в научный оборот еще в начале 1960-х годов, оно стало фактически общепризнанным по отношению к сложившейся в западном мире реальности. Но М. Кастельс не случайно уточняет используемый им термин - "информационная" (informational), а не "информационная" экономика - и постоянно применяет его в связке с глобальной экономикой (обычное словопотребление - глобальная/информационная). За этим стоит свой концептуальный подход. По его мнению, глобальная сеть явилась результатом революции в области информационных технологий, создавшей материальную основу глобализации экономики, т.е. появления новой, отличной от ранее существовавшей экономической системы.

Новые информационные технологии являются не просто инструментом для применения, но также процессами для развития, в силу чего в какой-то мере исчезает различие между пользователями и создателями. Таким образом, пользователи могут держать под контролем технологию, как, например, в случае с Интернетом. Отсюда следует новое соотношение между социальными процессами создания и обработки символов (культура общества) и способностью производить и распределять товары и услуги (производительные силы). Впервые в истории человеческая мысль прямо является производительной силой, а не просто определенным элементом производственной системы.

Принципиальное отличие информационно-технологической революции по сравнению с ее историческими предшественниками состоит в том, что если прежние технологические революции надолго оставались на ограниченной территории, то новые информационные технологии почти мгновенно охватывают пространство всей планеты. Это означает "немедленное применение к своему собственному развитию технологий, которые она [технологическая революция] создает, связывая мир через информационную технологию" (с. 53). При этом в мире существуют значительные области, не включенные в

современную технологическую систему: это одно из основных положений книги. Более того, скорость технологической диффузии выборочна - и социально, и функционально. Различное время доступа к технологической силе для людей, стран и регионов является критическим источником неравенства в современном мире. Своеобразная вершина этого процесса - угроза исключения целых национальных и даже континентальных экономик (например, Африки) из мировой информационной системы, а соответственно и из мировой системы разделения труда. В этом контексте рассматривает автор и вопрос о возможности инкорпорации России в систему современной мировой экономики.

М. Кастельс анализирует связь между изобретателями, предпринимателями, финансовыми корпорациями и государством в информационно-технологической революции. Он (на примерах от США до Китая и Индии) доказывает, что во всем мире государство (а не изобретатель) было инициатором и главным двигателем этой революции, фактором, выражающим и организующим социальные и культурные силы, содействующим развитию широких и защищенных рынков и финансирующим макроисследовательские программы. В то же время децентрализованные инновации стимулируются культурой технологической активности и ролью примеров быстрого персонального успеха.

Пока еще интернациональная экономика в целом не глобальна, она идет по пути глобализации. Большая доля ВВП и занятости в большинстве стран продолжает зависеть от активности внутренней экономики, а не от глобального рынка. Но лидирующие отрасли образуют сектора глобальной экономики без границ (финансы, телекоммуникации, средства массовой информации). Эта информационная экономика формируется не только под воздействием такого мотивационного стимула для фирм, как доходность, но и под воздействием политических институтов, поощряющих конкуренцию в этих экономиках, что поддерживает фирмы. В связи с этим автор развивает теорию двух типов конкурентности: национальной и глобальной. Во втором случае "конкурентоспособность скорее является атрибутом таких экономических объединений, как страны и регионы, но никак не фирм..." (с. 100). Возникают новые формы вмешательства государства в экономику, связанные с четкими стратегиями, поддержкой технологического развития и конкурентоспособности своих национальных отраслей, своих фирм. Политика все более становится ключевым инструментом конкурентоспособности.

М. Кастельс убедительно доказывает, что дерегуляция рынка и приватизация не являются развивающим механизмом.

"Страны, которые полностью отдались на произвол рыночных механизмов, особенно болезненно реагируют на изменение финансовых потоков и уязвимы с точки зрения технологической зависимости" (с. 102).

В таких странах "после того как краткосрочные выгоды от либерализации (например, массированный приток нового капитала в поисках новых возможностей на появившихся рынках) растворяется в реальной экономике, обычно за потребительской эйфорией следует шоковая терапия, как это было в Испании после 1992 г., а также в Мексике и Аргентине в 1994-1995 гг." (с. 102).

"Традиционная экономическая политика, проводимая в границах регулируемых национальных экономик, становится все более неэффективной, потому что такие важные инструменты, как денежно-кредитная политика, ставки процента и технологические инновации, в высокой степени зависят от глобальных тенденций" (с. 102).

Важнейшее значение приобретают такие стратегии позитивных изменений, как технологическая и образовательная политика. В связи с этим автор рассматривает ошибки недальновидной политики *laissez-faire*, применявшейся в 1980-х годах США, что дорого обошлось большинству американцев.

"Что касается информационной глобальной экономики, то она действительно чрезвычайно политизирована"(с. 103).

Система данных, приведенных М. Кастельсом, подтверждает, что производство в развитых экономиках опирается на образованных людей в возрасте 25-40 лет. Практически оказываются ненужными до трети и более человеческих ресурсов. Он считает, что последствием этой ускоряющейся тенденции, скорее всего, станет не массовая безработица, а предельная гибкость, подвижность работы, индивидуализация труда и, наконец, высокосегментированная социальная структура рынка труда.

Развиваемая в книге теория информационного общества, в отличие от концепции глобальной/информационной экономики, включает рассмотрение культурной/исторической специфики. Автор особо отмечает, что одной из ключевых черт информационного общества является специфическая форма социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти. В этом обществе социальные и технологические формы данной социальной организации пронизывают все сферы деятельности, начиная от доминантных (в экономической системе) и кончая объектами и обычаями повседневной жизни.

Другой ключевой чертой информационного общества является сетевая логика его базовой структуры, что и объясняет название тома I монографии "Подъем сетевого общества" (*The Rise of Network Society*). Кастельс подчеркивает, что он именуется социальной структурой информационного века сетевым обществом потому, что "оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... Не все социальные измерения и институты следуют логике сетевого общества, подобно тому как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные предындустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны - с различной интенсивностью - повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предшествующие социальные формы" (с. 505).

Новое информационное общество (как и любое другое новое общество), по Кастельсу, возникает, "когда (и если) наблюдается структурная реорганизация в производственных отношениях, отношениях власти и отношениях опыта. Эти преобразования приводят к одинаково значительным модификациям общественных форм пространства и времени и к возникновению новой культуры" (с. 496). И автор детально рассматривает изменения в повседневной культуре, городской жизни, природе времени, мировой политике.

Многочисленны высказывания М. Кастельса по отдельным социальным проблемам, не получившим однозначной оценки у социологов и политологов. Так, он отмечает, что зависимость общества от новых способов распространения информации дает последним аномальную власть, приводит к ситуации, когда "не мы контролируем их, а они нас". Главной политической ареной теперь становятся средства массовой информации, но они политически безответственны. При этом политические партии исчезают как субъект

исторических изменений, теряя свою классовую основу и обретая функции "управляющих социальными противоречиями".

Последнее, на чем я хотел бы остановиться, касается взглядов М. Кастельса на современную Россию. Что касается причин краха этатизма (в более употребительной, хотя и менее точной терминологии, - социализма) и СССР как его ведущей и объединяющей силы, то этому посвящена последняя глава монографии на русском языке. Ее нет нужды комментировать, поскольку, надо полагать, российский читатель обратит особое внимание на этот раздел книги.

Совсем другое дело - суждения о современной России, разбросанные в разных местах монографии. Общая оценка нынешней ситуации в России человека, знающего и любящего нашу страну, заключена в следующих фразах, написанных в 1998 г.:

"Экономика потерпела крушение вследствие спекулятивных маневров *номенклатуры* ради собственной выгоды, вследствие безответственных рекомендаций о введении абстрактной политики свободного рынка со стороны Международного валютного фонда, некоторых западных советников и политически неопытных русских экономистов, которые внезапно оказались на командных постах; вследствие паралича демократического государства в результате запутанных интриг между политическими фракциями, где царили личные амбиции. Все это привело к невыносимым страданиям народа. Криминальная экономика выросла до пропорций, невиданных в крупной индустриальной стране, связываясь с мировой криминальной экономикой и становясь фундаментальным фактором, с которым нужно считаться как в России, так и на международной арене. Близорукая политика США, на самом деле нацеленная на то, чтобы прикончить "русского медведя" в мировой политике, породила ответную националистическую реакцию, угрожая снова развязать гонку вооружений и международную напряженность. Националистическое давление в армии, политические маневры в ельцинском Кремле и криминальные интересы во властных коридорах привели к катастрофической авантуре чеченской войны. Демократы у власти потерялись между верой новообращенных в силу рынка и своей макиавеллиевской стратегией, предназначенной для кулуаров политического истеблишмента, но не имеющих ничего общего со знанием реальных условий жизни измученного населения на территории все более теряющей структуру страны" (с. 490).

В то же время такие оценки не сопровождаются пессимистическими предположениями о будущем России. Напротив, М. Кастельс считает, что в конечном счете Россия успешно инкорпорируется в глобальную экономику. При этом он принимает в расчет образованное население, сильную научную базу, громадные запасы энергии и природных ресурсов. Он твердо убежден, что неизбежно "возрождение могущества России не только как ядерной сверхдержавы, но и как сильной нации, не желающей более терпеть унижения" (с. 510).

Пролог: **Сеть и Я**

"Выдумаете, я ученый, начитанный человек?"

"Конечно, - ответил Цзи-гонг. - Аразве нет?"

"Совсем нет, - сказал Конфуций. - Я просто ухватил одну нить,

которая связывает все остальное"

К концу второго тысячелетия христианской эры несколько событий исторического значения преобразили социальный ландшафт человеческой жизни. Технологическая революция с информационными технологиями в центре заново и ускоренными темпами формирует материальную основу общества. Национальные экономики во всем мире стали глобально взаимосвязанными, создавая в системе с изменчивой геометрией новую форму отношений между экономикой, государством и обществом. Крах советского этатизма и последовавшая за ним кончина международного коммунистического движения на какое-то время подорвали исторический вызов капитализму, избавили политическое левое крыло (и марксистскую теорию) от фатального влечения к марксизму-ленинизму; привели к завершению "холодной войны"; снизили риск ядерной катастрофы и фундаментально изменили глобальную геополитику. Сам капитализм подвергся глубокой реструктуризации, характеризуемой повышением гибкости в управлении; децентрализацией и появлением сетевых структур как внутри фирм, так и в отношениях с другими фирмами; значительным усилением позиций капитала *vis-a-vis* труду, что сопровождалось упадком рабочего движения; ростом индивидуализации и диверсификации трудовых отношений; массовым включением женщин в ряды наемной рабочей силы, обычно в условиях дискриминации; вмешательством государства (с разной интенсивностью и ориентациями в зависимости от природы политических сил и институтов в каждом обществе) с целью селективной дерегуляции рынков и демонтажа "государства всеобщего благосостояния" (welfare state); усилением глобальной экономической конкуренции в контексте растущей географической и культурной дифференциации условий накопления капитала и менеджерского опыта. Вследствие этой генеральной и еще не оконченной реконструкции капиталистической системы мы оказались свидетелями глобальной интеграции финансовых рынков, подъема Азиатско-тихоокеанского региона как нового доминантного мирового производственного центра, энергичных усилий по экономическому объединению Европы, возникновения североамериканской региональной экономики, диверсификации, а затем и распада бывшего "третьего мира", постепенной трансформации национальных экономик России и стран бывшей советской сферы влияния в рыночные экономики, объединения наиболее ценных секторов национальных экономик во взаимосвязанную систему, функционирующую как целостность в реальном времени. Благодаря этим тенденциям наблюдается также обострение неравномерности развития, на этот раз не только между Севером и Югом, но и между динамичными секторами и территориями стран всего мира и теми секторами и территориями, которые рискуют потерять всякую важность с точки зрения системной логики. В самом деле, мы наблюдаем параллельно высвобождение гигантских производительных сил информационной революции и концентрацию в глобальной экономике "черных дыр" человеческой нищеты, будь то Буркина-Фасо, Южный Бронкс, Камагасаки, Чиापас или Ла Курнев.

Одновременно преступная деятельность и организации мафиозного типа во всем мире также стали глобальными и информационными, поставляя средства стимулирования мозговой гиперактивности и запретных желаний путем использования всех форм незаконной торговли - от торговли новейшим оружием до торговли человеческой плотью. Кроме того, новая коммуникационная система, все больше говорящая на универсальном цифровом языке, одновременно интегрирует в глобальном масштабе производство и распространение слов, звуков и изображений в нашей культуре и приспосабливает их к персональным вкусам и настроениям индивидов. Интерактивные компьютерные сети растут по экспоненте, создавая новые формы и каналы коммуникации, формируя жизнь и формируясь жизнью в одно и то же время.

Социальные изменения столь же драматичны, как и процессы технологической и экономической трансформации. При всей сложности трансформации условий

существования женщин патриархальная система подвергается давлению и в ряде обществ уже расшатана. Так, отношения между полами в большей части мира стали, скорее, конфликтной сферой, чем сферой культурного воспроизводства. Отсюда следует фундаментальный пересмотр отношений между женщинами, мужчинами и детьми, а следовательно, семьей, сексуальностью и личностью. Осознание необходимости защиты окружающей среды проникло в основные институты общества, и эти ценности завоевали политическую поддержку, невзирая на ложь и манипулирование, присутствующие в ежедневной практике корпораций и бюрократий. Политические системы охвачены структурным кризисом легитимности, периодически сотрясаются скандалами, существенно зависят от освещения в средствах массовой информации и личностных качеств лидеров, становясь все более изолированными от граждан. Общественные движения обнаруживают тенденцию к фрагментации, локальности, узкой ориентации и эфемерности, либо погружаясь в свой внутренний мир, либо вспыхивая всего на мгновение вокруг популярного символа. В мире, где происходят столь неконтролируемые и беспорядочные изменения, люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности: религиозных, этнических, территориальных, национальных. Религиозный фундаментализм - христианский, исламский, иудаистский, индуистский и даже буддистский (что едва ли не выглядит терминологическим нонсенсом) - стал, вероятно, самой внушительной силой, обеспечивающей личностную безопасность и коллективную мобилизацию в эти беспокойные годы. В мире, пронизанном глобальными потоками богатств, власти и образов, поиск идентичности, коллективной или индивидуальной, приписанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений. Это не новый тренд, ибо идентичность, особенно религиозная и этническая идентичность, лежала у корней значения с начала человеческого общества. Однако в исторический период, характеризуемый широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимизацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов. Люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются. Тем временем, с другой стороны, глобальные сети инструментального обмена селективно подключают или отключают индивидов, группы, районы, даже целые страны согласно их значимости для выполнения целей, обрабатываемых в сети, в непрерывном потоке стратегических решений. Отсюда следует фундаментальный раскол между абстрактным, универсальным инструментализмом и исторически укорененными партикуляристскими идентичностями. Наши общества все больше структурируются вокруг биполярной оппозиции между Сетью и "Я".

В этих условиях структурного шизофренического раздвоения между функцией и смыслом структуры социальной коммуникации попадают под усиливающееся давление. И когда коммуникация рушится, когда она более не существует даже в форме конфликтной коммуникации (как бывает в социальной борьбе или политическом противоборстве), социальные группы и индивиды отчуждаются друг от друга и видят в другом чужака, а затем и врага. В этом процессе, по мере того как идентичности становятся все более специфическими и их все труднее разделять, растет социальная фрагментация. Информационное общество в своих глобальных проявлениях есть также общество "Аум Син-рике", "Американской милиции", исламских/христианских теократических амбиций и взаимного геноцида хуту и тутси.

Сбитые с толку масштабами исторических изменений, культура и мышление в наше время часто бросаются в новый миллениаризм**. Пророки технологии проповедуют новый век, перенося на социальные тенденции и организацию слабо понятую логику компьютеров и

молекулярной генетики. Культура и теория постмодернизма предаются празднованию конца истории и в некоторой степени конца эпохи Разума, отбрасывая нашу способность понимать и находить смысл даже в абсурде. Скрыто допускается приятие полной индивидуализации поведения и бессилия общества перед своей судьбой.

Замысел, вдохновляющий эту книгу, направлен против потоков разрушения и против различных форм интеллектуального нигилизма, социального скептицизма и политического цинизма. Я верю в рациональность, в возможность предоставить слово разуму, не впадая в поклонение этому божеству. Я верю в возможность осмысленного социального действия, в политику преобразований, не обязательно дрейфующих к смертоносным обрывам абсолютных утопий. Я верю в освобождающую силу идентичности, не принимая необходимости ее индивидуализации либо ее поглощения фундаментом. И я предлагаю гипотезу, гласящую, что все главные тенденции изменений, составляющие наш новый, сбивающий с толку мир, соотнесены между собой, и мы можем извлечь смысл из их взаимоотношений. Да, я верю, несмотря на долгую традицию порой трагических интеллектуальных ошибок, что наблюдение, анализ и теоретизирование есть способ помочь построить другой, лучший мир, не предлагая ответы, которые должны быть специфичны для каждого общества и найдены самими социальными акторами, но задавая некоторые релевантные вопросы. Хотелось бы, чтобы эта книга стала скромным вкладом в необходимую коллективную аналитическую работу, уже идущую на многих горизонтах и нацеленную на понимание нашего нового мира на основе наличных свидетельств и исследовательской теории.

Чтобы сделать предварительные шаги в этом направлении, мы обязаны принимать технологию всерьез, используя ее как отправную точку нашего исследования; мы должны поместить этот процесс революционных технологических изменений в социальный контекст, в котором он происходит и которым формируется; и мы должны помнить, что поиск идентичности в формировании новой истории оказывает столь же могучее влияние, как техноэкономические изменения. Затем, сказав эти слова, мы отправимся в наше интеллектуальное путешествие, следуя маршруту, который приведет нас во многие различные области, пересечет несколько культур и институциональных контекстов, ибо понимание глобальной трансформации требует и возможно более глобальной перспективы - в очевидных пределах опыта и знаний автора.

"Я" в информационном обществе

Новые информационные технологии интегрируют мир в глобальных сетях инструментализма. Посредованная компьютерами коммуникация породила обширное множество виртуальных сообществ. Однако отличительная социальная и политическая тенденция 1990-х годов - это построение социального действия и политики вокруг первичных идентичностей, либо приписанных, укоренившихся в истории и географии, либо построенных заново в тревожном поиске смыслов и духовности. Первые исторические шаги информационных обществ, как представляется, характеризуются преобладанием идентичности как организующего принципа. Под идентичностью я понимаю процесс, через который социальный актор узнает себя и конструирует смыслы, главным образом на основе данного культурного свойства или совокупности свойств, исключая более широкую соотнесенность с другими социальными структурами. Утверждение идентичности не обязательно означает неспособность соотноситься с другими идентичностями (например, женщины еще соотносятся с мужчинами) или охватить все общество под эгидой своей идентичности (например, религиозный

фундаментализм стремится обратить всех и каждого). Но социальные отношения определяются *vis-a-vis* другим, на основе тех культурных свойств, которые конкретизируют идентичность. Например, Йошино в своем исследовании *нихонджирон* (идей японской уникальности) подчеркнуто определяет культурный национализм как "задачу возрождения национальной общности путем создания, сохранения или усиления культурной идентичности народа, когда она, как чувствуется, исчезает или находится под угрозой. Культурный националист рассматривает нацию как продукт уникальной истории и культуры и как коллективное единство, наделенное уникальными свойствами"³⁴. Кэлхаун, хотя и отрицал историческую новизну феномена, также подчеркнул решающую роль идентичности в определении политики в современном американском обществе, особенно в женском движении, в движении геев, в движении за гражданские права, движениях, которые "искали не только различные инструментальные цели, но утверждения исключенных идентичностей как общественно благих и политически значимых"³⁵. Ален Турен идет еще дальше, утверждая, что "в постиндустриальном обществе, где культурные услуги заменили материальные блага в качестве сердцевины производства, именно защита субъекта, в его личности и в его культуре, против логики аппаратов и рынков, заменяет идею классово-борьбы"³⁶. Тогда ключевой проблемой в мире, характеризуемом одновременно глобализацией и фрагментацией, становится, как заявлено Кальдероном и Лазерной, вопрос о том, "как объединить новые технологии и коллективную память, универсальную науку и общинную культуру, страсти и разум?"³⁷ И действительно, как?! И почему мы наблюдаем во всем мире противоположную тенденцию, а именно, увеличение дистанции между глобализацией и идентичностью, между сетью и "Я"?

Реймонд Барглоу в своем поучительном эссе, глядя на предмет с социопсихоаналитической точки зрения, указывает на следующий парадокс: в то время как информационные системы и сети увеличивают человеческие силы в организации и интеграции, они одновременно подрывают традиционную западную концепцию сепаратного, независимого субъекта: "Исторический сдвиг от механических технологий к информационным помогает подорвать понятия суверенности и самостоятельности, понятия, которые давали идеологическую основу для индивидуальной идентичности с тех пор, как греческие философы выработали концепцию более двух тысячелетий назад. Короче, технология помогает разрушать то самое видение мира, которое она в прошлом лелеяла"³⁸. Затем автор продолжает, проводя любопытное сравнение между классическими снами, описанными в трудах Фрейда, и снами его собственных пациентов в ультратехнизированной среде Сан-Франциско 1990-х годов: "Образ головы... и позади нее подвешена компьютерная клавиатура... Я - эта запрограммированная голова!"³⁹ Это чувство абсолютного одиночества ново в сравнении с классическим фрейдистским представлением: "Сновидцы... выражают чувство одиночества, переживаемое как экзистенциальное и неизбежное, встроенное в структуру мира... Полностью изолированное "Я" кажется безвозвратно потерянным для себя"⁴⁰. Таким образом, налицо поиск новой системы связей, построенной вокруг разделяемой, реконструированной идентичности.

Как бы глубока ни была эта гипотеза, она может быть только частью объяснения. С одной стороны, она подразумевает кризис "Я", вписанного в западную индивидуалистскую концепцию, поколебленную неподдающейся контролю идеей социальной связи между людьми. Однако поиск новой идентичности и новой духовности идет также и на Востоке, несмотря на более сильное чувство коллективной идентичности и традиционное культурное подчинение индивида семье. Резонанс "Аум Синрикэ", особенно среди молодого, высокообразованного поколения, можно рассматривать как симптом кризиса установленных образцов идентичности вкуче с отчаянной нуждой в построении нового,

коллективного "Я", значимо смешивающего духовность, передовую технологию (химию, биологию, лазеры), глобальные деловые связи и культуру миллениаристского конца истории⁴¹.

С другой стороны, элементы интерпретативных рамок, объясняющих растущую мощь идентичности, должны быть также найдены на более широком фоне, в контексте макропроцессов институциональных изменений, в большой степени связанных с возникновением новой, глобальной системы. Так, широко распространенные в Западной Европе течения расизма и ксенофобии можно отнести, как предполагали Алан Турен⁴² и Мишель Вьеворка⁴³, к кризису идентичности, которая становится абстракцией ("европеец") в тот самый момент, когда европейские общества, видя, как затуманивается их национальная идентичность, открыли, что внутри них продолжают существовать этнические меньшинства (демографический факт, начиная, по крайней мере, с 1960-х годов). Или опять-таки в России и бывшем Советском Союзе мощное развитие национализма в посткоммунистический период можно соотнести, как я покажу в главе 8, с культурной пустотой, созданной семьдесятю годами навязывания исключительно идеологического единства, пустотой, соединенной с возвращением к первичной исторической идентичности (русской, грузинской), как единственному источнику смыслов после распада исторически хрупкого *советского народа*.

Подъем религиозного фундаментализма также, по-видимому, связан и с глобальной тенденцией, и с институциональным кризисом. Мы знаем из истории, что идеи и верования всех мастей всегда наготове, ожидая только искры в подходящих обстоятельствах⁴⁴. Важно, что фундаментализм, будь он исламским или христианским, распространился и будет распространяться в мире в тот самый исторический момент, когда глобальные сети богатства и власти связывают узловые точки и представителей глобальной элиты, одновременно обрывая связи и исключая большие сегменты обществ, регионы и даже целые страны. Почему Алжир, одно из самых модернизированных мусульманских обществ, внезапно повернулся к своим фундаменталистским спасителям, которые стали террористами (как и их предшественники - антиколониалисты), когда у них отняли их победу на демократических выборах? Почему традиционалистские учения папы Иоанна-Павла II находят неоспоримый отклик среди обнищавших масс "третьего мира", так, что Ватикан может позволить себе игнорировать протесты феминистского меньшинства в нескольких развитых странах, где именно прогресс права на аборт уменьшает число душ, нуждающихся в спасении? Есть, кажется, некоторая логика в исключении исключających, в переоценке критериев ценности и смысла в мире, где для компьютерно неграмотных, лишенных потребления (consumptionless) групп и необеспеченных коммуникацией территорий остается все меньше места. Когда сеть отключает "Я", то "Я" - индивидуальное или коллективное - конструирует свой смысл без глобального, инструментального соотнесения: процесс обрыва связей становится взаимным после отказа исключенных от односторонней логики структурного господства и социального исключения.

Такова область, которую нужно исследовать, а не просто заявить о ней. Несколько идей, выдвинутых здесь по поводу парадоксального проявления "Я" в информациональном обществе, предназначены только для того, чтобы очертить круг моего исследования для сведения читателя, но не ради выводов, сделанных наперед.

---

³⁴ Yoshino (1992:1).

³⁵ Calhoun (1994: 4).

³⁶ Touraine (1994, курсив автора).

³⁷ Calderon and Lasema (1994: 90).

³⁸ Barglow (1994: 6).

³⁹ Ibid.: 53.

⁴⁰ barlow (1994:185).

⁴¹ Описание новых форм бунта, связанных с идентичностью в открытом противостоянии глобализации, см.: Castells, Yazava and Kiselyova (1996b).

⁴² Touraine (1991).

⁴³ Wieviorka (1993).

⁴⁴ См., напр., Kepel (1993), Colas (1992).

1.4 Модели, акторы и арены информационно-технологической революции

Если первая индустриальная революция была британской, то первая информационно-технологическая революция - американской с калифорнийским уклоном. В обоих случаях ученые и промышленники из других стран играли важную роль как в открытии, так и в распространении новых технологий. В индустриальной революции ключевые источники талантов и практических приложений били во Франции и Германии. В основе новых технологий в электронике и биологии находились научные открытия, сделанные в Англии, Франции, Германии и Италии. Изобретательность японских компаний сыграла критически важную роль в усовершенствовании производственных процессов в электронной промышленности и в проникновении информационных технологий в повседневную жизнь всего мира через вихрь новаторских продуктов - от видеомагнитофонов и факсов до видеоигр и пейджеров⁵³. В самом деле, в 1980-х годах в производстве полупроводников на мировом рынке господствовали японские компании, хотя в 1990-х американские компании вернули себе конкурентное лидерство. Как я покажу в главе 3, вся отрасль эволюционировала к взаимопроникновению, стратегическим альянсам и созданию сетей между фирмами разных стран. Это сделало несколько менее существенным различие в национальном происхождении. Однако американские новаторы, фирмы и институты не только стояли у колыбели революции в 1970-х, но и после продолжали играть ведущую роль в ее экспансии, которая, вероятно, сохранится и в XXI в. Но, без всякого сомнения, мы наблюдаем растущее участие японских, китайских, корейских и индийских фирм, а также следует отметить значительный вклад в биотехнологию и телекоммуникации европейских фирм.

Чтобы выявить социальные корни информационно-технологической революции в Америке, скрытые за окружающими ее мифами, я кратко напомню процесс формирования ее самого знаменитого питомника инноваций - Силиконовой долины. Как я уже отмечал, именно в Силиконовой долине были разработаны интегральная схема, микропроцессор, микрокомпьютер и другие ключевые технологии. Сердце инноваций в электронике бьется уже четыре десятилетия, поддерживаемое четвертью миллиона работников информационной технологии⁵⁴. Кроме того, район залива Сан-Франциско в целом

(включая другие центры инноваций: Беркли, Эмеривилл, Марин Каунти и сам город Сан-Франциско) был также колыбелью геновой инженерии и в 1990-х годах являлся одним из крупнейших мировых центров передового программного обеспечения, геновой инженерии и проектирования компьютеров для мультимедиа-систем.

Силиконовая долина (округ Санта Клара, 30 миль к югу от Сан-Франциско, между Стэнфордом и Сан-Хосе) была сформирована как инновационная среда путем концентрации нового технологического знания, большого скопления высококвалифицированных инженеров и ученых из крупных университетов региона, а также за счет щедрого финансирования от надежного рынка - Министерства обороны; на ранних стадиях институциональным лидером был Стэнфордский университет. И в самом деле, априорно маловероятное размещение электронной промышленности в очаровательном, полуаграрном районе северной Калифорнии можно проследить вплоть до создания прозорливым деканом инженерного факультета и проректором Стэнфордского университета Фредериком Терменом в 1951 г. Стэнфордского индустриального парка. Он лично поддержал двух своих аспирантов Уильяма Хьюлетта и Дэвида Паккарда при создании электронной компании в 1938 г. Вторая мировая война стала золотым дном для Hewlett-Packard и других начинающих электронных компаний. Так, они совершенно естественно стали первыми арендаторами в новом привилегированном районе, где пользоваться выгодами номинальной арендной платы могли только фирмы, которые Стэнфорд считал новаторскими. Поскольку парк был вскоре заповеден, новые электронные фирмы начали располагаться вдоль шоссе 101 по направлению к Сан-Хосе.

Решающим шагом стал прием на работу в Стэнфорд в 1956 г. Уильяма Шокли, изобретателя транзистора. Это была счастливая случайность, впрочем, отражающая историческую неспособность авторитетных электронных фирм ухватиться за революционную микроэлектронную технологию. Шокли просил большие компании восточного побережья, такие, как RCA и Raytheon, довести его изобретение до стадии промышленного производства. Когда ему отказали, он принял предложение Стэнфорда, главным образом потому, что его мать жила в Пало-Альто, и решил создать здесь собственную компанию Shokley Transistors при поддержке Beckman Instruments. Он завербовал, в основном из Bell Labs, восьмерых блестящих молодых инженеров, привлеченных возможностью работать с Шокли. Одним из них, хотя и не вполне из Bell Labs, оказался Боб Нойс. Однако вскоре они были разочарованы. Они учились у Шокли основам передовой микроэлектроники, но их отталкивали его авторитарная манера и упрямство, заводившее фирму в тупики. В частности, они хотели, но это было против воли Шокли, работать с кремнием, открывавшим наиболее многообещающий путь к увеличению интеграции транзисторов. Поэтому уже через год они ушли от Шокли (фирма которого обанкротилась) и создали с помощью Fairchild Cameras фирму Fairchild Semiconductors, где в следующие два года были изобретены планарный процесс и интегральная схема. Как только эти блестящие инженеры открыли технологический и коммерческий потенциал своих знаний, все они оставили Fairchild и открыли собственные фирмы. Их новые сотрудники по прошествии некоторого времени сделали то же самое, так что происхождение половины из 85 крупнейших американских полупроводниковых фирм, включая таких ведущих ныне производителей, как Intel, Advanced Micro Devices, National Semiconductors, Sygnetics и др., напрямую связано с упомянутым "исходом" сотрудников из компании Fairchild.

Именно этот перенос технологии от Shokley в Fairchild, а затем в сеть отделившихся компаний и составил первоначальный источник инноваций, на котором была построена Силиконовая долина и сделана революция в микроэлектронике. В самом деле, в середине 1950-х годов Стэнфорд и Беркли еще не были ведущими центрами электроники, им был

Массачусетский технологический институт, и это отражалось в первоначальном размещении электронной промышленности в Новой Англии. Однако как только Силиконовая долина стала средоточием знания, уже в начале 1970-х годов динамизм отраслевой структуры и постоянное создание новых фирм укрепили положение Силиконовой долины как мирового центра микроэлектроники. Анна Саксениан сравнила развитие электронных комплексов в обоих районах (Бостонское шоссе ? 128 и Силиконовая долина) и пришла к выводу, что решающую роль играла социальная и индустриальная организация компаний, поощряющая или душащая инновации⁵⁵. Так, в то время как большие, авторитетные компании на востоке оказались слишком негибкими (и слишком самонадеянными), чтобы, постоянно перевооружаясь, двигаться к новым технологическим границам, Силиконовая долина продолжала порождать новые фирмы и практиковать "перекрестное опыление" и распространение знаний путем переходов с работы на работу и отпочкования фирм. Разговоры за полночь в баре Уокера "Фургонное колесо" в Маунтин Вью сделали для распространения технологических инноваций больше, чем большинство семинаров в Стэнфорде.

Аналогичный процесс имел место в разработке микрокомпьютеров, создавших исторический водораздел в использовании информационной технологии⁵⁶. К середине 1970-х годов Силиконовая долина притянула десятки тысяч ярких молодых умов со всего мира, привлеченных кипящей жизнью новой технологической Мекки в поисках талисмана, рожающего изобретения и деньги. Они собирались в свободных клубах ради обмена идеями и информацией о последних событиях. Одним из таких клубов был Home Brew Computer Club, юные визионеры которого (включая Билла Гейтса, Стива Джобса и Стива Возняка) создали в последующие годы до 22 компаний, включая Microsoft, Apple, Comenco и North Star. Именно в этом клубе прочли в *Popular Electronics* материал, рассказывающий о том, как Эд Роберте сделал машину "Альтаир". Этот материал вдохновил Возняка летом 1976 г. построить в гараже в Менло Парк микрокомпьютер Apple I. Стив Джобс увидел перспективу этого начинания, и, заняв 91 000 долл. у менеджера Intel Майка Марккула, который вошел в дело партнером, он основал Apple. Примерно в то же время Билл Гейтс основал Microsoft, чтобы дать микрокомпьютерам операционную систему (правда, он основал ее в Сиэтле, воспользовавшись общественными контактами своей семьи).

Довольно похожую историю можно рассказать о развитии генной инженерии. Ведущим ученым Стэнфорда, Калифорнийского университета в Сан-Франциско и в Беркли, сотрудничавшим с компаниями, вначале располагавшимися вокруг Залива, также пришлось пройти через отпочкование фирм, не разрывая тесных связей со своими "альма-матер"⁵⁷. Весьма схожие процессы происходили в Бостоне-Кембридже, вокруг Гарварда и Массачусетского технологического института, в исследовательском треугольнике вокруг университета Дьюка и университета Северной Каролины, и, что еще важнее, в Мериленде, вокруг крупных клиник, национальных медицинских исследовательских институтов и университета Джона Гопкинса.

Из этих ярких историй следует двойной фундаментальный вывод: развитие информационно-технологической революции способствовало формированию инновационной среды, где открытия и практические применения взаимодействовали и испытывались в повторяющемся процессе проб и ошибок и обучения на практике. Эта среда требовала (и требует по сей день, в 1990-х годах, невзирая на сетевую связь on-line) пространственной концентрации исследовательских центров, институтов высшего образования, передовых технологических компаний, сети вспомогательных поставщиков товаров и услуг и предпринимательских сетей венчурного капитала для финансирования новичков. Коль скоро среда консолидировалась, как было в Силиконовой долине в 1970-х

годах, она начинает генерировать свою собственную динамику и привлекать знания, инвестиции и таланты со всего мира. В самом деле, в 1990-е годы Силиконовая долина стала свидетелем роста активности японских, тайваньских, корейских, индийских и европейских компаний, для которых присутствие в Долине означает самую продуктивную связь с источниками новой технологии и ценной деловой информации. Более того, благодаря своей позиции в сетях технологической инновации, район залива Сан-Франциско способен быстро использовать любое новое достижение. Например, приход мультимедиа в середине 1990-х годов создал сеть технологических и деловых связей между компьютерными проектными возможностями компаний Силиконовой долины и производством образов в студиях Голливуда, сеть, мгновенно окрещенную "Силивудом". И в захудалом углу Сан-Франциско художники, дизайнеры и программисты собрались в так называемом Multimedia Gulch, угрожая затопить наши гостиные образы, рожденными в их перевозбужденных мозгах.

Можно ли экстраполировать эту социальную, культурную и пространственную структуру инновации на остальной мир? Чтобы ответить на этот вопрос, мой коллега Питер Холл и я предприняли занявшее несколько лет путешествие, позволившее нам посетить и проанализировать некоторые из главных научно-технологических центров нашей планеты, от Калифорнии до Японии, от Новой до Старой Англии, от Париж-Юг до Хсинчжу, Тайвань, от София-Антиполис до Академгородка, от Зеленограда до Дедака (Корея), от Мюнхена до Сеула. Наши выводы⁵⁸ подтверждают критически важную роль, которую играет инновационная среда в развитии информационно-технологической революции: концентрация научно-технологического знания, институтов, фирм и квалифицированной рабочей силы есть горнило инновации в информационную эпоху. Однако для них нет необходимости копировать культурную, пространственную, институциональную и промышленную структуру Силиконовой долины, или других американских центров технологической инновации, таких, как Южная Калифорния, Бостон, Сиэтл или Остин. Нашим самым удивительным открытием было то, что главными центрами инновации и производства в сфере информационной технологии за пределами Соединенных Штатов являются крупнейшие старые метрополисы индустриализованного мира. На территории Европы в районе Париж-Юг образовалось наиболее значительное скопление высокотехнологичных производств и исследовательских центров; в Лондоне, вдоль "коридора М-4" сосредоточились основные предприятия британской электронной промышленности, переняв эстафету от оружейных заводов, работавших на корону с XIX в. Замена Берлина Мюнхеном явно связана с поражением Германии во второй мировой войне, когда Siemens, предчувствуя американскую оккупацию, предусмотрительно перебралась из Берлина в Баварию. Токио-Иокогама продолжает оставаться технологическим ядром японской индустрии информационных технологий, несмотря на децентрализацию ветви предприятий, управляемых по программе технополиса. Москва-Зеленоград и Санкт-Петербург были и остаются центрами советских и российских технологических знаний и производства после провала "сибирской мечты" Хрущева. Хсинчжу на деле - город-спутник Тай-бея; Дедак никогда не играл значительной роли по сравнению с районом Сеул-Инчон, хотя и был родной провинцией диктатора Пака, а Пекин и Шанхай есть и будут ядром китайского технологического развития. То же самое относится к Мехико-Сити в Мексике, Сан-Паулу-Кампинас в Бразилии и Буэнос-Айресу в Аргентине. В этом смысле технологическое увядание старых американских метрополисов (Нью-Йорк - Нью-Джерси, несмотря на выдающуюся роль в 1960-х годах; Чикаго, Детройт, Филадельфия) в международном плане есть исключение, связанное со специфически американским "духом фрон-тира", с вечным стремлением к бегству от противоречий старых городов и сложившихся обществ. Было бы любопытно исследовать связь между этим американским свойством и неоспоримым превосходством американцев

в технологической революции - потребностью разбивать ментальные литые формы, чтобы поощрить творческий дух.

Однако тот факт, что большинство центров информационно-технологической революции в мире располагаются в метрополисах, по-видимому, указывает на то, что критически важный ингредиент в ее развитии - не новизна институциональной и культурной обстановки, а ее способность генерировать синергию на базе знаний и информации, способность, непосредственно связанная с промышленным производством и коммерческим применением инноваций. Культурная и экономическая мощь метрополиса (все равно, старого или нового - в конце концов, район залива Сан-Франциско есть метрополис с населением около 6 млн. человек) делает его привилегированной средой для новой технологической революции, демистифицируя понятие вездесущности инноваций в информационную эпоху.

Аналогичным образом, похоже, затемнена идеологией предпринимательская модель информационно-технологической революции. Не только японская, европейская и китайская модели технологической инновации, совершенно отличные от американского опыта, но даже модель американского передового опыта часто неверно интерпретируется. Решающая роль государства обычно признается в Японии, где Министерство внешней торговли и промышленности (MITI) долгое время направляло крупные корпорации и поддерживало их, даже в 1980-е годы; поддерживало через серию смелых технологических программ, некоторые из них потерпели неудачу (например, компьютер 5-го поколения), но большинство помогло всего лишь за 20 лет превратить Японию в технологическую сверхдержаву, как документально подтвердил Майкл Боррус⁵⁹. Никаких начинающих новаторских фирм и ведущей роли университетов в японском опыте не обнаруживается. Стратегическое планирование МГП и постоянные контакты между *кейрецу* и правительством являются ключевыми элементами в объяснении доблестного японского натиска, подавившего Европу и позволившего опередить США в нескольких отраслевых секторах информационной технологии. Сходную историю можно рассказать о Южной Корее и Тайване, хотя в последнем случае большую роль играли мультинациональные компании. Сильные технологические базы Индии и Китая напрямую связаны с военно-промышленными комплексами, их развитие направляется и финансируется государством.

Но точно так же обстоит дело в большей части британской и французской электронной промышленности, сосредоточенной вплоть до 1980-х годов на телекоммуникациях и обороне⁶⁰. В последней четверти XX в. Европейский Союз выдвигал серию технологических программ с целью держаться на уровне международной конкуренции, систематически поддерживая "национальных чемпионов", даже себе в убыток, но без серьезных результатов. На самом же деле, единственным способом технологического выживания для европейских информационно-технологических компаний было использование своих значительных ресурсов (существенная доля которых поступала из государственных средств) для заключения союзов с японскими и американскими компаниями, которые все чаще становятся их главным источником ноу-хау в передовой информационной технологии⁶¹.

Даже в США хорошо известен факт, что военные контракты и технологические инициативы Министерства обороны играли решающую роль на начальной стадии информационно-технологической революции, т. е. в 1940-1960-х годах. Даже главный источник открытий в электронике - Bell Laboratories на деле играла роль национальной лаборатории: ее родительская компания (АТТ) пользовалась установленной правительством монополией на телекоммуникации; значительная часть ее

исследовательских фондов поступала от правительства США. Оно же начиная с 1956 г. фактически заставило АТТ в виде расплаты за монополию на общественные телекоммуникации распространять технологические открытия в общественной среде⁶². Массачусетский технологический институт, Гарвард, Стэнфорд, Беркли, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, Чикагский университет, университет Джона Гопкинса и такие национальные лаборатории вооружений, как Ливермор, Лос-Аламос, Сандиа и Линкольн, работали для агентств Министерства обороны и вместе с ними над программами, которые привели к фундаментальным прорывам - от компьютеров в 1940-х годах до оптико-электронных технологий и технологий искусственного интеллекта в программах "звездных войн" 1980-х годов. DARPA, экстраординарно новаторское исследовательское агентство Министерства обороны, играло в США роль, схожую с ролью MITI в технологическом развитии Японии. Оно участвовало и в проектировании и начальном финансировании Интернета⁶³. В самом деле, когда ультралиберальная администрация Рейгана почувствовала щипки японской конкуренции, Министерство обороны в целях поддержки дорогостоящих программ НИОКР в электронной промышленности и по причинам национальной безопасности профинансировало SEMATECH, консорциум американских электронных компаний. Федеральное правительство помогло также объединению усилий крупных фирм по сотрудничеству в микроэлектронике, создав МСС, причем и SEMATECH, и МСС расположились в Остине, Техас⁶⁴. В течение решающих 1950-х и 1960-х годов существенными рынками для электронной промышленности были военные контракты и космическая программа - как для гигантских оборонных подрядчиков Южной Калифорнии, так и для начинающих новаторов Силиконовой долины и Новой Англии⁶⁵. Они не выжили бы без щедрого финансирования и защищенных рынков американского правительства, озабоченного восстановлением технологического превосходства над Советским Союзом; эта стратегия со временем себя окупала. Генная инженерия, распространившаяся из крупных университетских исследовательских центров, клиник и медицинских исследовательских институтов, финансировалась в основном за счет правительства⁶⁶. Таким образом, государство, а не предприниматель-новатор в своем гараже, как в Америке, так и во всем мире, было инициатором информационно-технологической революции⁶⁷.

Однако без этих предприимчивых новаторов - таких, как те, кто стоял у истоков Силиконовой долины или клонирования персональных компьютеров на Тайване, - информационно-технологическая революция имела бы совершенно иные характеристики, и маловероятно, что она эволюционировала бы в сторону тех децентрализованных гибких технологических устройств, которые распространяются сейчас во всех областях человеческой деятельности. В самом деле, с начала 1970-х годов технологические инновации существенно стимулировались рынком⁶⁸, а новаторы, часто оставаясь на службе в крупных компаниях, особенно в Японии и Европе, продолжали создавать собственные предприятия в Америке и все чаще во всем мире. Это приводило к ускорению технологической инновации и ее распространения, по мере того как изобретательные люди, гонимые страстью и алчностью, постоянно сканировали отрасль в поисках рыночных ниш в сфере продуктов и процессов. Именно благодаря этому взаимодействию между макроисследовательскими программами и большими рынками, созданными государством, с одной стороны, и децентрализованной инновацией, стимулируемой культурой технологического творчества и ролевыми моделями быстрого личного успеха, с другой стороны, новые информационные технологии пришли к расцвету. При этом они группировались вокруг сетей, состоящих из фирм, организаций и институтов, чтобы сформировать новую социотехническую парадигму.

---

⁵³ Forester (1993).

⁵⁴ Об истории формирования Силиконовой долины смотри две полезные и легко читаемые книги: Rogers and Larsen (1984) и Malone (1985).

⁵⁵ Saxenian (1994).

⁵⁶ Levy (1984); Egan (1995).

⁵⁷ Blakely et al. (1988); Hall et al. (1988).

⁵⁸ Castells and Hall (1994).

⁵⁹ Bonus (1988).

⁶⁰ Hall et al. (1987).

⁶¹ Freeman et al. (1991); Castells et al. (1991).

⁶² Bar (1990).

⁶³ Tirman (1984); Broad (1985); Stowsky (1992).

⁶⁴ Borrus (1988); Gibson and Rogers (1994).

⁶⁵ Roberts (1991).

⁶⁶ Kenney (1986).

⁶⁷ См. аналитические свидетельства, собранные в работе Castells (1988b).

⁶⁸ Vanegas (1993).

1.5 Информационно-технологическая парадигма

Кристофер Фримен пишет:

"Техноэкономическая парадигма есть концентрация взаимосвязанных технических, организационных и менеджерских инноваций, преимущества которых следует искать не только в новом диапазоне продуктов и систем, но более всего в динамике относительной структуры затрат на все возможные вложения в производство. *В каждой новой парадигме некое конкретное вложение или их совокупность можно назвать "ключевым фактором" этой парадигмы, характеризующим падением относительных затрат и универсальной доступностью.* Современное изменение парадигмы можно рассматривать как сдвиг от технологии, основанной главным образом на вложении дешевой энергии, к технологии, основанной преимущественно на дешевых вложениях информации, почерпнутых из успехов в микроэлектронике и телекоммуникационной технологии"⁶⁹.

Понятие технологической парадигмы, разработанное Карлотой Перес, Кристофером Фрименом и Джованни Доси, адаптировавших классический анализ научных революций, проделанный Куном, помогает осмыслить сущность нынешней технологической трансформации в ее взаимодействиях с экономикой и обществом⁷⁰. Прежде чем

совершенствовать определение так, чтобы оно включало, помимо экономики, и социальные процессы, я думаю, было бы полезно в качестве путеводителя в предстоящем нам путешествии по путям социальной трансформации наметить те черты, которые составляют сердце информационно-технологической парадигмы. Взятые вместе, они составляют фундамент информационного общества.

Первая характеристика новой парадигмы состоит в том, что информация является ее сырьем: перед нами *технологии для воздействия на информацию*, а не просто информация, предназначенная для воздействия на технологию, как было в случае предшествующих технологических революций.

Вторая черта состоит во *всеохватности эффектов новых технологий*. Поскольку информация есть интегральная часть всякой человеческой деятельности, все процессы нашего индивидуального и коллективного существования непосредственно формируются (хотя, разумеется, не детерминируются) новым технологическим способом.

Третья характеристика состоит в *сетевой логике* любой системы или совокупности отношений, использующей эти новые информационные технологии. Похоже, что морфология сети хорошо приспособлена к растущей сложности взаимодействий и к непредсказуемым моделям развития, возникающим из творческой мощи таких взаимодействий⁷¹. Эта топологическая конфигурация - сеть - может быть теперь благодаря новым информационным технологиям материально обеспечена во всех видах процессов и организаций. Без них сетевая логика была бы слишком громоздкой для материального воплощения. Однако эта сетевая логика нужна для структурирования неструктурированного при сохранении в то же время гибкости, ибо неструктурированное есть движущая сила новаторства в человеческой деятельности.

Четвертая особенность, связанная с сетевым принципом, но явно не принадлежащая только ему, состоит в том, что информационно-технологическая парадигма основана на *гибкости*. Процессы не только обратимы; организации и институты можно модифицировать и даже фундаментально изменять путем перегруппировки их компонентов. Конфигурацию новой технологической парадигмы отличает ее способность к реконфигурации - решающая черта в обществе, для которого характерны постоянные изменения и организационная текучесть. Поставить правила с ног на голову, не разрушая организацию, стало возможным, так как материальную базу организации теперь можно перепрограммировать и перевооружить. Однако мы должны воздержаться от ценностного суждения по. Хотя физики и математики могут не согласиться с некоторыми из этих высказываний, основная мысль Келли интересна: существует конвергенция между эволюционной топологией живой материи, открытой природой все более сложного общества и интерактивной логикой новых информационных технологий.

Гибкость может быть освобождающей силой, но может нести и репрессивную тенденцию, если те, кто переписывает правила, всегда у власти. Как писал Мулген: "Сети созданы не просто для коммуникации, но и для завоевания позиций, для отлучения от сети"⁷². Существенно, таким образом, сохранять дистанцию между оценкой возникновения новых социальных форм и процессов, индуцированных и допускаемых новыми технологиями, и экстраполяцией потенциальных последствий таких событий для общества и людей: только конкретный анализ и эмпирические наблюдения смогут определить исход взаимодействия между новыми технологиями и возникающими социальными формами. Существенно также идентифицировать логику, встроенную в новую технологическую парадигму.

Затем, пятая характеристика этой технологической революции - это растущая *конвергенция конкретных технологий в высокоинтегрированной системе*, в которой старые, изолированные технологические траектории становятся буквально неразличимыми. Так, микроэлектроника, телекоммуникации, оптическая электроника и компьютеры интегрированы теперь в информационных системах. В бизнесе, например, существует и еще некоторое время будет существовать различие между производителями чипов и программистами. Но даже такая дифференциация размывается растущей интеграцией фирм в стратегических союзах и совместных проектах, так же как и встраиванием программного обеспечения в микропроцессоры. Более того, в терминах технологической системы один элемент невозможно представить без другого: микрокомпьютеры определяются в основном мощностью чипов, а проектирование и параллельная обработка микропроцессоров зависят от архитектуры компьютеров. Телекоммуникации являются ныне только одной из форм обработки информации; технологии передачи и связи одновременно все шире диверсифицируются и интегрируются в одной и той же сети, где оперируют компьютеры⁷³.

Технологическая конвергенция все больше распространяется на растущую взаимозависимость между биологической и микроэлектронной революциями, как материально, так и методологически. Так, решающие успехи в биологических исследованиях, такие, как идентификация человеческих генов или сегментов человеческой ДНК, могут продвигаться вперед только благодаря возросшей вычислительной мощи⁷⁴. Использование биологических материалов в микроэлектронике, хотя еще очень далекое от широкого применения, в 1995 г. уже находилось на экспериментальной стадии. Леонард Эдлмен, специалист по компьютерам университета Южной Калифорнии, использовал синтетические молекулы ДНК и с помощью химической реакции заставил их работать согласно комбинирующей логике ДНК в качестве материальной базы для вычислений⁷⁵. Хотя исследованиям предстоит еще долгий путь к материальной интеграции биологии и электроники, логика биологии (способность к самозарождению непрограммированных когерентных последовательностей) все чаще вводится в электронные машины⁷⁶. Передовой отряд роботехники - это область роботов, обучающихся с использованием теории нейросетей. Так, в лаборатории нейросетей в Испре (Италия), принадлежащей Объединенному исследовательскому центру Европейского Союза, специалист по компьютерам Хосе Миллан на протяжении уже многих лет пытается выработать у двух роботов способность к самообучению в надежде, что в ближайшем будущем они найдут себе хорошую работу в таких областях, как манипуляции с радиоактивными материалами на ядерных установках⁷⁷. Продолжающаяся конвергенция между технологически различными областями информационной парадигмы проистекает из общей логики генерирования информации, логики, которая наиболее очевидна в работе ДНК и в природной эволюции и все чаще копируется в самых передовых информационных системах, по мере того как чипы, компьютеры и программное обеспечение достигают новых границ скорости, объема памяти и гибкой обработки информации из множества источников. Несмотря на то, что репродукция человеческого мозга с его миллиардами цепей и непревзойденной способностью к рекомбинированию остается научной фантастикой, границы информационной мощи нынешних компьютеров преодолеваются из месяца в месяц⁷⁸.

Из наблюдений над такими экстраординарными изменениями в наших машинах и знании жизни и из помощи, предоставляемой этими машинами и этим знанием, возникает более глубокая технологическая трансформация: трансформация категорий, в которых мы осмысливаем все процессы. Историк технологии Брюс Мазлиш предлагает сделать "признание, что биологическая эволюция человека, ныне наиболее хорошо понимаемая в терминах культуры, заставляет человечество - нас с вами - осознать, что инструменты и

машины неотделимы от эволюционирующей человеческой природы. Она также требует от нас уразуметь, что развитие машин, достигшее кульминации в компьютерах, делает неизбежным осознание того, что теории, полезные в объяснении работы механических изобретений, полезны также в понимании человеческого животного, и наоборот, ибо понимание человеческого мозга бросает свет на природу искусственного интеллекта"⁷⁹.

С иной точки зрения, основанной на модных в 1980-х годах дискуссиях вокруг "теории хаоса", в 1990-х годах часть ученых и исследователей сблизилась в общем эпистемологическом подходе, идентифицируемом кодовым словом "сложность" (complexity). Организованный вокруг семинаров в Институте Санта Фе в Нью-Мексико (первоначально как клуб физиков высокой квалификации из Лос-Аламоса, к которому затем присоединились ученые - нобелевские лауреаты и их друзья), интеллектуальный кружок нацелен на интеграцию научного мышления (включая социальные науки) в новой парадигме. Они сосредоточили внимание на изучении возникновения самоорганизующихся структур, создающих сложность из простоты и высший порядок из хаоса через несколько уровней интерактивности между базовыми элементами происхождения процесса⁸⁰. Хотя в главном русле науки этот проект часто списывается со счета как неverified гипотеза, но это один из примеров попытки людей из различных областей знаний найти общую основу для "перекрестного опыления" науки и технологии в информационную эпоху. Однако этот подход, по-видимому, запрещает построение любых системных, интегрирующих рамок. Сложностное мышление следовало бы рассматривать скорее как метод для понимания разнообразия, чем как объединенную метатеорию. Ее эпистемологическая ценность могла бы прийти из признания изощренно сложной (serendipitous) природы природы и общества. Не то, чтобы правил не существует, но правила создаются и меняются в непрерывном процессе преднамеренных действий и уникальных взаимодействий.

Информационно-технологическая парадигма эволюционирует не к своему закрытию как системы, но к своей открытости как многосторонней сети. Она могущественна и импозантна в своей материальности, адаптивна и открыта в своем историческом развитии. Всеохватность, сложность и сетевой характер являются ее решающими качествами.

Таким образом, социальное измерение информационно-технологической революции, кажется, обязано подчиняться закону отношений между технологией и обществом, предложенному несколько лет назад Мелвином Кранцбергом: **"Первый Закон Кранцберга гласит: технология не хороша, не плоха и не нейтральна"**⁸¹. Современная технологическая парадигма, как, возможно, никогда ранее, обладает силой проникать в самую сердцевину жизни и мысли⁸². Но ее фактическое развертывание в области сознательного человеческого действия и сложная матрица взаимодействий между технологическими силами, освобожденными человеком, и им самим - вопрос скорее исследований, чем судьбы. Теперь я приступаю к такому исследованию.

---

⁶⁹ Freeman C. Preface to Part II// Dosi et al. (1988b: 10).

⁷⁰ Perez (1983); Dosi et al. (1988b); Kuhn (1962).

⁷¹ К.Келли (Kelly 1995: 25-27) развивает свойства сетевой логики в нескольких красноречивых строках: "Атом - это прошлое. Символом науки для следующего столетия является динамическая сеть... В то время как атом является воплощением идеальной простоты, каналам сети присуща чудовищная сложность... Единственная организация,

способная к не обремененному предвзвешенными росту или самостоятельному обучению, есть сеть. Все прочие топологии ограничивают то, что может случиться. Сетевой рой весь состоит из краев, и поэтому открыт для любого пути, которым вы к нему подходите. В самом деле, сеть есть наименее структурированная организация, о которой можно сказать, что она имеет структуру вообще... Фактически, множество поистине расходящихся компонентов может оставаться когерентным только в сети. Никакая другая расстановка - цепь, пирамида, дерево, круг, колесо со ступицей - не может содержать истинное разнообразие, работающее как целое".

⁷² Mulgan (1991:21).

⁷³ Williams (1991).

⁷⁴ Business Week (1995e); Bishop and Waldholz (1990).

⁷⁵ Alien (1995).

⁷⁶ Анализ соответствующих тенденций см. в работе Kelly (1995); историческую точку зрения на конвергенцию между мыслью и машинами см.: Mazlish (1994); теоретические размышления см.: Levy (1994).

⁷⁷ Millan (1996); Kaiser et al. (1995).

⁷⁸ См. превосходный перспективный анализ в работе Gelemter (1991).

⁷⁹ Mazlish (1993:233).

⁸⁰ Проникновение "теории хаоса" в широкую аудиторию вызвано, главным образом, бестселлером Gleick (1987), см. также Hall (1991). Ясно написанную интригующую историю "сложностной" школы см. Waldrop (1992).

⁸¹ Hranzberg (1985: 50).

⁸² Информативную, живую дискуссию недавних событий на перекрестках науки и человеческой мысли м. в работе Baumgartner and Payr (1995). Более сильную, хотя и противоречивую интерпретацию, предложенную одним из пионеров генетической революции, см.: Crick (1994).

2.2.1 Загадка производительности

Производительность движет экономический прогресс. В конечном счете, человечество управляло силами природы и постепенно сформировалось в самостоятельную культуру лишь путем увеличения отдачи на единицу ресурса в единицу времени. Известно, что вопрос об источниках производительности является краеугольным камнем классической политэкономии начиная от физиократов к Марксу через Рикардо. Этот вопрос все еще остается основным предметом исследований, касающихся реальной экономики⁴, в рамках этого теряющего значение направления экономической теории. Действительно, разные способы увеличения производительности определяют структуру и динамику отдельной экономической системы. И поскольку имеется новая информационная экономика, то мы должны отметить новые с исторической точки зрения источники производительности, которые делают эту экономику особенной. Но, сталкиваясь с этим важнейшим вопросом,

мы начинаем ощущать всю сложность проблемы и неопределенность ответа. Трудно найти более спорную тему, чем источники и рост производительности⁵.

Научные споры о производительности в развитых экономических системах начинаются со ссылок на работы Роберта Солоу 1956-1957 гг. и предложенную им в жесткой неоклассической интерпретации модель совокупной производственной функции с целью объяснить источники и процесс роста производительности в американской экономике. На основании произведенных расчетов он сделал вывод, что валовой выпуск на душу населения в американском частном нефермерском секторе вырос вдвое за период с 1909 по 1949 г. - "на 87,5 % рост был вызван технологическими изменениями, а на оставшиеся 12,5 % - увеличением использования капитала"⁶. Параллельно проводившееся исследование Кендрика дало аналогичные результаты⁷. Однако, несмотря на то, что Солоу интерпретировал результаты, как отражающие влияние технологических изменений на производительность, со статистической точки зрения он показал, что увеличение выпуска за час работы обусловлено не использованием дополнительного труда и небольшим увеличением капитала, а проистекает из другого источника - статистического "остатка" уравнения производственной функции. В следующие два десятилетия после открытия Солоу авторы большинства эконометрических исследований, касающихся роста производительности, пытались объяснить существование "остатка", находя *ad hoc* факторы, влияющие на производительность: предложение энергетических ресурсов, государственное регулирование, уровень образования рабочей силы и др. Тем не менее прояснить загадочную природу "остатка"⁸ так и не удалось. Экономисты, социологи и историки экономики, доверявшие интуиции Солоу, без колебаний интерпретировали "остаток" как результат технологических изменений. В самых совершенных исследованиях наука и технология понимались в широком смысле, в частности как знание и информация, так что технология управления признавалась столь же значимой, как и управление технологией⁹. Одно из наиболее глубоких системных исследований вопросов производительности, проведенное Ричардом Нельсоном¹⁰, начинается с широко известного предположения о главенствующей роли технологических изменений в процессе роста производительности, заменяющего вопрос об источниках производительности вопросом о происхождении таких изменений. Другими словами, экономическая теория технологии как бы служит объяснительной конструкцией для анализа истоков роста. Однако такой аналитический подход может еще больше усложнить ситуацию. Это стало отдельным направлением исследований, в частности для экономистов университета Сассекса (отдел научных и политических исследований)¹¹, и продемонстрировало фундаментальную роль институциональных условий и исторических предпосылок в содействии и ориентировании технологических изменений, что в свою очередь непосредственно связано с ростом производительности. Таким образом, утверждение о том, что производительность создает экономический рост, являясь функцией от технологических изменений, равноценно утверждению о том, что характеристики самого общества лежат в основе экономического роста, поскольку они оказывают существенное влияние на технологические инновации.

Такой шумпетерианский подход к проблеме экономического роста¹² поднимает еще более важный вопрос о структуре и динамике информационной экономики. В частности, что нового в нашей экономике с исторической точки зрения? Что в ней особенного *vis-a-vis* другим экономическим системам и, в частности, *vis-a-vis* индустриальной экономике?

---

⁴ Nelson (1994); Boyer (ред.) (1986); Arthur (1989); Krugman (1990); Nelson и Winter (1982); Dosi et al (1988a).

⁵ Nelson (1981).

⁶ Solow (1957, 32); см. также Solow (1956).

⁷ Kendrik (1964).

⁸ См. также работы по США: Denison (1974, 1979; Kendrik (1973); Jorgenson и Griliches (1967); Mansfield (1969); Baumol et al. (1989); по Франции: Carre (1984); Sautter (1978); Dubois (1985); международная сравнительная характеристика: Denison (1967) и Maddison (1984).

⁹ Bell (1976), Nelson (1981); Rosenberg (1982); Stonier (1983); Freeman (1982).

¹⁰ Nelson (1980, 1981, 1988, 1994), а также Nelson and Winter (1982). " Dosi et al. (1988a).

¹¹ Dosi et al. (1988a).

¹² Schumpeter (1939).

2.2.3 Информационализм и капитализм, производительность и прибыльность

Несомненно, что в долгосрочном периоде рост производительности служит источником благосостояния наций; а технология, включая организационный и управленческий аспекты, является важнейшим фактором, стимулирующим производительность. Но, с точки зрения экономических агентов, производительность - не самоцель, как и инвестирование в новые технологии и инновации. Вот почему Ричард Нельсон в последней статье по данной теме говорит, что новая база в теории экономического роста должна строиться вокруг взаимосвязей между технологическими изменениями, возможностями фирмы и национальных институтов³⁰. Фирмы и нации (или политические силы разного уровня, такие, как регионы или Европейский Союз), эти действительные агенты экономического роста, не нуждаются в технологиях ради самих технологий или в росте производительности ради блага человечества. Они действуют в данном историческом контексте в рамках правил экономической системы (информационного капитализма, как я написал выше), которая, в конечном счете, поощрит или накажет их за их действия. Таким образом, *мотивацией для фирм служит не производительность, а прибыльность*, для достижения которой технология и производительность могут быть важными средствами, но безусловно не единственными. Что касается *политических институтов*, имеющих более широкую систему ценностей и интересов, *то они в экономической сфере будут пытаться максимизировать конкурентоспособность собственной экономики. Прибыльность и конкурентоспособность в действительности определяют технологические инновации и рост производительности*. И именно в их конкретном историческом контексте мы сможем найти ключи к пониманию капризов производительности.

Как я уже говорил, 1970-е годы были одновременно предположительной датой рождения информационно-технологической революции и разделительной чертой в эволюции капитализма. Во всех странах фирмы отреагировали на фактическое или воображаемое снижение уровня прибыльности, приняв на вооружение новые стратегии³¹. Некоторые из этих стратегий, такие, как технологические инновации и организационная децентрализация, представлялись весьма важными в силу их потенциального эффекта и имели долгосрочную перспективу. Однако фирмы были заинтересованы и в краткосрочных результатах, отражающихся в их бухгалтерии, а для американских фирм -

в ежеквартальных отчетах. При данных финансовых условиях и ценах, определяемых рынком, существует четыре основных способа увеличения прибыли: сократить производственные издержки (начав с расходов на оплату труда), увеличить производительность, расширить долю рынка и увеличить скорость обращения капитала.

За последнее десятилетие в той или иной степени, в зависимости от типа фирмы и страны, все вышеперечисленные способы были использованы, и информационные технологии являлись важным инструментом в каждом из них. Но я предлагаю гипотезу, согласно которой одна из стратегий была использована раньше и немедленно дала результаты, -это стратегия расширения рынка и борьбы за долю рынка. В самом деле, с точки зрения инвестора, слишком рискованно увеличивать производительность без предварительного расширения спроса или потенциала для него. По этим соображениям, на ранней стадии своего развития американская электронная промышленность нуждалась в военных рынках, прежде чем технологические инновации окупались на других рынках. По той же причине японские, а позже корейские, фирмы проводили протекционистскую рыночную политику, выбирая целевые отрасли и сегменты на глобальном уровне, чтобы, достигнув экономии на масштабе производства, добиться затем экономии на размахе операций. Реальный кризис 1970-х годов вовсе не был вызван шоком от повышения цен на нефть. Он заключался в том, что государственный сектор больше не мог постоянно расширять рынки и соответственно увеличивать занятость (накопление доходов) без повышения налогов на капитал или подпитывания инфляции путем создания избыточного денежного предложения и государственной задолженности³². В то время как некоторые краткосрочные меры по преодолению кризиса прибыльности состояли в сокращении численности рабочих и их зарплаты, действительной задачей для фирм и капитализма в целом был поиск новых рынков, способных поглотить растущие мощности производства товаров и услуг³³. Все это происходило на фоне существенного роста торговли по сравнению с выпуском продукции, а также прямых иностранных инвестиций в последние два десятилетия (см. рис. 2.1 и табл. 2.5). Они-то и стали двигателями экономического роста по всему миру³⁴. Правда, в эти годы мировая торговля развивалась медленнее, чем в 1960-х годах (из-за более низкого экономического роста в целом), но важна сама связь между расширением объемов товарной торговли и ростом ВВП: в 1970-1980 гг., когда ежегодный рост мирового ВВП составлял 3,4%, торговля и экспорт товаров увеличивались на 4% ежегодно. В 1980-1992 гг. эти цифры составили 3 и 4,9% соответственно. Таблица 2.6 иллюстрирует значительное оживление (в относительном выражении) мировой торговли во второй половине 1980-х годов: среднегодовой рост составлял 12,3 %. Несмотря на некоторый спад в 1993 г., в 1993-1995 гг. мировая торговля продолжала расти темпами более 4%³⁵. В модели мировой экономики СЕРП³⁶ для девяти основных производственных секторов доля товаров, продаваемых на международном рынке, в общемировом производстве составила: в 1973 г. - 15,3%, в 1980 г. - 19,7%, в 1988 г. - 22,2%, а к 2000 г. достигнет 24,8%. Что касается прямых иностранных инвестиций, бороздящих мир в поисках лучших производственных условий и новых рынков. Мировой инвестиционный отчет UNCTAD показал 4% годового роста в 1981-1985 гг. и невероятный - 24% -ежегодный рост в 1986-1990 гг. В 1992 г. объем прямых иностранных инвестиций составил 2 трлн. долл. В 1990 г. торговый оборот более 170 000 филиалов и 37 000 материнских компаний составил 5,5 трлн. долл. Эту цифру можно сравнить с 4 трлн. долл. общемирового экспорта и нефакторных услуг в 1992 г.³⁷.

Для открытия новых рынков, соединяющих ценные сегменты рынков отдельных стран в единую сеть, капитал нуждался в высокой степени мобильности, а фирмы - в развитых коммуникациях. Все необходимые условия для этого процесса были обеспечены дерегулированием рынков в тесном взаимодействии с новыми информационными технологиями. Непосредственные участники техноэкономических перемен, а именно

фирмы, связанные с высокими технологиями, и финансовые корпорации были первыми, кто получил прямую выгоду от этого процесса. Глобальная интеграция финансовых рынков в начале 1980-х годов, ставшая возможной благодаря использованию новых информационных технологий, оказала огромное влияние на вывод потоков капитала из национальных экономик стран. Так, Чеснэй измеряет степень интернационализации капитала, рассчитав какую долю ВВП составляют операции с акциями и облигациями, совершаемые на международном рынке³⁸: в 1980 г. эта доля в любой из развитых стран не превышала 10% ВВП, в 1992 г. она колебалась от 72,2% ВВП в Японии до 122,2% во Франции и 109,3% в США.

За последнее десятилетие путем все большей ориентации своей деятельности на глобальные рынки, интеграции рынков и максимизации конкурентных преимуществ от местоположения капитал как таковой, сами капиталисты и капиталистические фирмы сумели значительно увеличить показатели прибыльности, особенно в 1990-х годах, тем самым вернув на некоторое время условия инвестирования, от которых зависит капиталистическая экономика³⁹.

Эта рекапитализация капитализма в некоторой степени объясняет неравномерное увеличение производительности. В 1980-х годах происходил процесс массированного технологического инвестирования в коммуникационную/информационную инфраструктуру, что сделало возможным дерегулирование рынков и глобализацию капитала. Фирмы и отрасли, которые попали под прямое влияние этих поразительных перемен (такие, как микроэлектроника, микрокомпьютеры, телекоммуникации, финансовые институты), пережили взлет производительности и прибыльности⁴⁰. Вокруг этого устойчивого ядра динамичных глобальных капиталистических фирм и вспомогательных сетей нового типа совокупности фирм и отраслей были одна за другой либо интегрированы в новую технологическую систему, либо просто исчезли. Таким образом, медленный рост производительности в национальных экономиках в целом может скрывать противоречивые тенденции взрывного роста производительности в ведущих отраслях, спад активности устаревших фирм и неизменно низкую производительность в сфере услуг. Кроме того, чем больше этот динамичный сектор, концентрирующийся вокруг высокоприбыльных фирм, глобализируется и выходит за национальные границы, тем меньше имеет смысл делать расчеты показателей производительности национальных экономик или отдельных отраслей в рамках национальных границ. Несмотря на то, что наибольшая часть ВВП и рабочей силы большинства стран продолжала зависеть в основном от отечественной экономики, а не от глобального рынка, однако именно конкуренция на этих глобальных рынках в отраслях телекоммуникаций, развлечений, производственных или финансовых, определяла в конечном счете благосостояние фирм и граждан каждой страны⁴¹. Именно поэтому наряду с поиском нормы прибыльности как основной мотивации для фирм информационная экономика также формируется обоснованными стремлениями политических институтов, заинтересованных в поддержании конкурентоспособности той экономики, которую они представляют.

Стратегическая значимость конкурентоспособности, как для экономической политики, так и для политической идеологии, проистекает из двух факторов. С одной стороны, растущая независимость экономики, особенно рынков капиталов и валютных рынков, делает все более сложным существование подлинно национальной политики отдельной страны. Практически все страны вынуждены следить затем, как развиваются их сотрудничество и конкуренция с другими, в то время как темп развития их общества и политики не всегда синхронизирован с экономическими изменениями. Таким образом, конкурировать - значит укреплять свое положение относительно других с целью приобретения большей

значимости в процессе переговоров, где все политические силы объединяют свои стратегии в единую взаимосвязанную систему.

С другой стороны, конкурентоспособность вышла на первый план для правительства, бизнеса, средств массовой информации, политологов и недавно - для экономистов в результате вызова, брошенного странами Азиатско-тихоокеанского региона прежде неоспоримому господству американских компаний на международной арене. Сначала Япония, затем "азиатские тигры" и, наконец, возможно, гигантский Китай, которые долго защищали собственные рынки, смогли конкурировать на мировом уровне и завоевать значительную долю рынка. Это явилось хорошей встряской американскому бизнесу и правительству и вызвало немедленную мобилизацию ресурсов⁴⁵, что очень скоро докатилось до Европы, вызвав вторую волну конкуренции уже против американцев и японцев. Новые технологии и отрасли по праву рассматривались как основной инструмент глобальной конкуренции и хороший показатель конкурентоспособности. Для этого правительства стимулировали или поддерживали программы технологических инноваций и перестройки управления, сначала в странах Азиатско-тихоокеанского региона, затем в Европе и, наконец, в США под вывеской политики конкурентоспособности⁴⁶. Различное распространение этих программ, их относительная точность и переменный успех определили некие технологические траектории, которые по-разному влияли на производительность, несмотря на всеобщий технологический шок.

Так или иначе, процесс глобализации выливается в рост производительности, потому что фирмам приходится улучшать качество работы, когда они сталкиваются с более сильной мировой конкуренцией или завоевывают долю международного рынка. В 1993 г. Институт глобальных исследований Мак-Кинзи провел изучение промышленной производительности в девяти отраслях промышленности США, Японии и Германии и выявил высокую корреляцию между индексом глобализации (оценивающим степень вовлеченности в международную конкуренцию) и относительными показателями производительности в этих отраслях⁴⁷. Таким образом, связь между информационной технологией, организационным изменением и ростом производительности наблюдается в значительной степени через призму глобальной конкуренции.

В конечном счете, погоня фирм за прибылью и мобилизация стран на достижение большей конкурентоспособности вызвали изменения в новом историческом уравнении между технологией и производительностью. Именно в этом процессе была создана и сформирована глобальная экономика, которая, возможно, является основной характеристикой и самой важной чертой информационного капитализма.

---

³⁰ Nelson (1994: 41).

³¹ Boyer (ред.) (1986); Boyer (1988a); Boyer и Ralle (1986a); Aglietta (1976).

³² Критика представителей школы монетаристов относительно источников инфляции в американской экономике кажется достаточно обоснованной: см. Friedman (1968). Однако в ней упущен из виду тот факт, что политика увеличения денежной массы также является причиной стабильного экономического роста в 1950-х и 1960-х годах: см. Castells (1980).

³³ Старая теория недопотребления, находящаяся в сердце экономической теории марксизма, а также кейнсианской политики, все еще верна, если ее поместить в новые условия глобального капитализма, см. Castells и Tyson (1988).

³⁴ Я обращаю внимание читателя на прекрасный обзор трансформаций глобальной экономики, проведенный в работе Chesnais (1994).

³⁵ World Bank (1995), GATT (1994).

³⁶ СЕРП (1992: модель MIMOSA).

³⁷ UNCTAD (1993:13 ff).

³⁸ Chesnais (1994: 209).

³⁹ Для США прибыль на единицу продукции после уплаты налогов является хорошим инструментом для оценки прибыльности нефинансовых корпораций (чем выше показатель, тем больше прибыль). В 1959 г. этот показатель составил 0,024, в 1970 г. сократился до 0,020, в 1974 г. - до 0,017, затем подскочил до 0,040 в 1978 г. и, наконец, опять упал до 0,027 в 1980 г. Начиная с 1983 г. (0,048) наблюдалась устойчивая тенденция роста данного показателя, причем темпы роста существенно возросли в 1990-х годах: в 1991 г. - 0,061, в 1992 г. - 0,067, в 1993 г. - 0,073, в III квартале 1994 г. - 0,080 (см. данные Council of Economic Advisers (1995: 291, таблица В-14)).

⁴⁰ Источник: СЕРП (1992). Начиная с 1980 г. показатели прибыльности были высоки в отраслях электроники, телекоммуникаций и финансов. Однако ожесточенная конкуренция и рискованные финансовые сделки стали причиной ряда банкротств и неудач. Действительно, если бы не правительство США, спасшее ряд сберегательных и кредитных ассоциаций, серьезный финансовый кризис мог стать реальностью.

⁴¹ Весь мир согласен с тем, что глобальная конкуренция играет определяющую роль в экономическом процветании наций, весь мир, кроме США, где в некоторых экономических и общественных кругах бытует убеждение в том, что экономическое здоровье страны зависит в основном от отечественных рынков, так как экспорт составлял лишь 10% ВВП в начале 1990-х годов (см. Krugman, 1994a). Несмотря на то, что размер и производительность американской экономики делают ее более автономной по сравнению с любой другой экономикой мира, тем не менее идея о квазисамостоятельности представляет собой опасную иллюзию, которую не разделяет деловая и правительственная элита. Аргументация и данные в пользу важности глобальной конкуренции для американской экономики приводятся у Cohen и Zysman (1987), Castells и Tyson (1989), Reich (1991), Thurow (1992), Camoy et al (1993b).

⁴² Дебаты о соотношении производительности и конкурентоспособности - двух основополагающих элементов возобновившегося экономического роста начались в научных и политических кругах Америки в 1990-х годах. Полу Кругману, одному из самых блестящих ученых-экономистов Америки, нужно отдать должное за то, что он подстегнул эти полезные дебаты своей энергичной критикой понятия конкурентоспособности, к сожалению, в манере, не всегда достойной ученого: см. критику Krugman (1994a); см. ответ на критику Cohen (1994).

⁴³ Cohen (1985:1).

⁴⁴ Tyson и Zysman (1985:1).

⁴⁵ Cohen(W3).

⁴⁶ Tyson (1992), Borrus и Zysman (1992).

⁴⁷ McKinsey Global Institute (1993).

2.2.5 Историческая специфичность информационализма

При рассмотрении процесса исторического развития новой информациональной экономики нам открывается весьма сложная картина. Эта сложность объясняет, почему агрегированные статистические показатели не могут точно отразить размеры и темп экономических изменений под влиянием новых технологий. Информациональная экономика представляет собой отличную от индустриальной социально-экономическую систему вовсе не из-за разных источников роста производительности. В обоих случаях знания и обработка информации являются важными элементами экономического развития, как показывает, например, история научноориентированной химической промышленности⁵⁶ или управленческая революция, породившая фордизм⁵⁷. Отличие состоит в окончательном использовании потенциала производительности зрелой индустриальной экономики в результате переориентации на технологическую парадигму, в основе которой лежат информационные технологии. Новая технологическая парадигма сначала изменила масштаб и динамику индустриальной экономики, создавая глобальную экономику и порождая новую волну конкуренции между как существующими, так и новыми экономическими агентами. Эта новая конкуренция, участниками которой были фирмы, но правила которой устанавливало государство, привела к серьезным технологическим изменениям процессов и продуктов, что сделало некоторые фирмы, сектора и регионы более производительными. В то же время большие сегменты экономики подверглись разрушению, и это непропорционально отразилось на фирмах, секторах, регионах и странах. Таким образом, чистым результатом первого этапа информациональной революции явилось распространение экономического прогресса. Более того, распространение производства, основанного на знании, и управления на весь спектр экономических процессов в глобальном масштабе требует глубоких социальных, культурных и институциональных перемен, а, учитывая историю других технологических революций, это займет некоторое время. Вот почему экономика является информациональной, а не просто основанной на использовании информации, поскольку культурно-институциональные черты всей социальной системы должны войти в процесс распространения и использования новой технологической парадигмы. Точно так же нельзя сказать, что индустриальная экономика просто базировалась на использовании новых источников энергии в производстве, она была связана с появлением индустриальной культуры, которая характеризовалась новым социальным и техническим разделением труда.

Итак, хотя информациональная/глобальная экономика отличается от индустриальной, между ними нет логических противоречий. Информациональная экономика - это подмножество индустриальной. Она заключается в глубоком улучшении технологии и использовании знаний и информации во всех процессах материального производства и распределения на основании гигантского скачка вперед, в размахе и возможностях системы обращения. Другими словами, индустриальная экономика должна была либо стать информациональной и глобальной, либо просто рухнуть. Примером здесь может служить развал гипериндустриального общества - Советского Союза в силу неспособности его перейти к информациональной парадигме и изоляции от международной экономики (глава 8). Дополнительным аргументом в пользу вышесказанного может являться все большее расхождение путей развития стран "третьего мира" из-за разной способности стран и экономических агентов подключаться к информациональным процессам и конкурировать в условиях глобальной экономики⁵⁸;

само понятие "третий мир"⁵⁹ этот процесс фактически лишает смысла. Итак, переход от индустриализма к информационализму не является историческим эквивалентом перехода от сельскохозяйственной к индустриальной экономике и также не может приравниваться к возникновению экономики услуг. Существуют информационное сельское хозяйство, информационное производство и информационные услуги. Изменились не виды деятельности человечества, а технологическая способность использовать в качестве прямой производительной силы то, что отличает человека от других биологических созданий, а именно способность обрабатывать и понимать символы.

---

⁵⁶Hohenberg (1967).

⁵⁷ Coriat (1990).

⁵⁸ Castells и Tyson (1988); Kincaid и Portes (1994); Katz (ред.) (1987); Fajnzylber (1990).

⁵⁹ Harris (1987).

2.3 Глобальная экономика: происхождение, структура и динамика

Информационная экономика является глобальной. Глобальная экономика представляет собой исторически новую реальность, отличную от мировой экономики. Согласно Фернану Броделю и Иммануэлю Уоллерстайну, под мировой экономикой понимается такая система, где процесс накопления капитала происходит по всему миру, и она существует на Западе по крайней мере с XVI в.⁶⁰ **Глобальная экономика представляет собой нечто другое: это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты.** Капиталистический способ производства неустанно развивался, пытаясь преодолеть границы времени и пространства, но только в конце XX в. мировая экономика смогла стать по-настоящему глобальной на основе новой инфраструктуры, основанной на информационных и коммуникационных технологиях. Глобальность присутствует во всех основных процессах и элементах экономической системы. Впервые в истории управление капиталом осуществляется непрерывно на глобальных финансовых рынках, работающих в режиме реального времени⁶¹: каждую секунду в электронном режиме по всему миру осуществляются сделки на миллиарды долларов. Таблица 2.7 содержит данные о феноменальном росте объемов и масштабов международных финансовых потоков ведущих стран с рыночной экономикой: доля этих сделок в ВВП выросла примерно в 10 раз в 1980-1992 гг. Новые технологии позволяют за очень короткое время переводить капитал из одной экономики в другую, так что капитал, а следовательно, сбережения и инвестиции, взаимосвязаны по всему миру, от банков и пенсионных фондов до фондовых и валютных бирж. А так как валюты взаимосвязаны, то и экономики стран тоже взаимосвязаны между собой. Несмотря на то, что основные корпоративные центры предоставляют персонал и оборудование для управления постоянно усложняющейся финансовой сетью⁶², на самом деле именно в информационных сетях, соединяющих эти центры, реально проходят операции, связанные с капиталом. Потоки капиталов становятся глобальными и в то же время все более независимыми от функционирования отдельной экономики⁶³.

Таблица 2.7. Международные финансовые потоки, 1980-1992 гг. (в % к ВВП)^a

Страна	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.
США	9,3	9,4	11,8	15,9	20,8	36,4	71,7
Япония	п.а. ^б	п.а.	п.а.	п.а.	25,0	62,8	163,7
Германия	7,5	7,8	12,5	16,0	, 20,7	33,9	45,6
Франция	п.а.	п.а.	8,4	13,8	14,0	21,4	28,0
Италия	1,1	1,4	1,0	1,4	1,9	4,0	6,9
Великобритания	п.а.	п.а.	п.а.	п.а.	п.а.	366,1	648,9
Канада	9,6	8,0	7,4	10,5	15,8	26,7	40,5

Продолжение

табл.

2.7

Страна	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.
США	86,1	85,3	104,3	92,1	98,8	109,3
Япония	147,3	128,5	156,7	120,7	92,9	72,2
Германия	55,2	60,7	67,3	61,1	59,2	90,8
Франция	47,3	34,6	51,6	53,6	78,9	122,2
Италия	8,1	10,3	17,6	26,6	60,4	118,4
Великобритания	830,1	642,6	766,6	689,0	1016,6	п.а.
	58,9	39,1	54,5	64,1	81,4	111,2
Канада						

аОценка объема торговли ценными бумагами между резидентами и нерезидентами.

б п.а. - нет данных.

Источник: Bank for International Settlements, 62nd Annual Report, 15 June 1992.

Рынки труда, по существу, не являются глобальными, за исключением небольшого, но растущего сегмента профессионалов и ученых (см. главу 4). Однако труд можно считать глобальным ресурсом, поступающим по трем каналам⁶⁴: 1) фирмы могут выбрать свое местоположение в разных местах по всему миру, с тем чтобы найти трудовые ресурсы в зависимости от навыков, издержек или социальных условий; 2) фирмы в любом месте могут привлечь к себе высококвалифицированных работников отовсюду, и они их получают, если предложат хорошую оплату и условия труда; наконец, 3) люди по собственной инициативе могут войти на любой рынок из любой точки мира, гонимые из дома нуждой, войнами или движимые заботой о своих детях. Труд иммигрантов может использоваться в любой точке планеты, где есть рабочие места, но его мобильность ограничена строгим иммиграционным контролем. Действительно, такое впечатление, что

граждане и политические деятели богатых обществ полны решимости держать "варваров" из бедных районов вдалеке от своего мира, защищенного иммиграционными властями⁶⁵.

Наука, технология и информация также собраны в глобальные потоки, имеющие асимметричную структуру. Право собственности на технологическую информацию играет важнейшую роль в создании конкурентного преимущества, и научно-исследовательские центры концентрируются в определенных районах при отдельных компаниях и институтах⁶⁶. Характеристики нового производительного знания способствуют его распространению. Инновационные центры не могут существовать в условиях полной секретности без того, чтобы рано или поздно не исчерпать инновационный потенциал. Обмен знаниями в глобальной взаимосвязанной сети одновременно является и условием соответствия быстрому развитию науки, и помехой осуществлению контроля за интеллектуальной собственностью⁶⁷. Кроме того, способность к инновациям заложена в человеческом мозгу, что позволяет распространять инновации вместе с перемещением ученых, инженеров и менеджеров из одной организации или производственной системы в Другую.

Несмотря на настойчивый протекционизм и ограничение свободной торговли, рынки товаров и услуг становятся все более глобальными⁶⁸. Это не означает, что все фирмы продают продукцию повсеместно в мире, но предполагает, что стратегической целью небольшой или крупной фирмы является продажа продукции везде в мире, будь то напрямую или путем подключения к сетям, действующим на мировом рынке. И действительно, во многом благодаря новым коммуникациям и транспортным технологиям существуют каналы и возможности для фирм продавать продукцию повсеместно. Здесь, однако, следует сделать оговорку: внутренние рынки составляют наибольшую долю ВВП в большинстве стран, и в развивающихся странах большинство городского населения работает на теневую экономику, которая также ориентирована на внутренний рынок. Кроме того, в некоторых странах с развитой экономикой, таких, как Япония, существуют важные сегменты (например, государственная служба, розничная торговля), защищенные от мировой конкуренции государством или культурной/институциональной традицией⁶⁹. Государственная служба и правительственные ведомства, на которые приходится от одной трети до половины рабочих мест в каждой отдельной стране, также всегда будут ограждены от международной конкуренции. *Доминирующие сегменты и фирмы, представляющие стратегическую основу* любой экономики, тесно связаны с мировым рынком, и их судьба зависит от того, насколько успешно они работают на этом рынке. Динамика внутренних рынков в конечном счете зависит от способности национальных фирм конкурировать в глобальном масштабе⁷⁰. Следует подчеркнуть, что глобализация рынков стала возможной только в конце XX в. благодаря разительным переменам в транспортных и коммуникационных технологиях относительно информации, людей, товаров и услуг.

Тем не менее основные изменения, вызвавшие появление глобальной экономики, связаны с управлением процессами производства и распределения, а также с производством как таковым⁷¹. Доминирующие сегменты внутри большинства экономических секторов (будь то производство товаров или услуг) имеют в мировом масштабе собственные операционные процедуры, формируя, по словам Роберта Райха, "глобальную сеть". Процесс производства включает компоненты, произведенные в разных местах многими фирмами и представляющие при определенных условиях или для специфического рынка новую форму производства и коммерциализации: высокопроизводительную, гибкую и отлаженную систему производства. Такая сеть не только по форме соответствует глобальной корпорации, получающей материалы из разных источников по всему миру. Новая производственная система основана на стратегических альянсах и сотрудничестве

по временным проектам между корпорациями, децентрализованными частями крупных компаний, малыми и средними предприятиями, объединенными в сети между собой и/или с крупными корпорациями. Такого рода транснациональные производственные системы существуют в двух основных формах: согласно терминологии Гереффи, товарные цепочки, ориентированные на производителей (например, производство автомобилей, компьютеров, самолетов, электрического оборудования), и товарные цепочки, ориентированные на потребителей (например, производство одежды, обуви, игрушек и домашней утвари). Принципиальным фактором является то, что производственная структура такой сети территориально расположена по всему миру, и ее геометрия постоянно меняется как в целом, так и для отдельных составляющих. Гарантом успеха управленческой стратегии в такой структуре является позиционирование фирмы (или конкретного производственного проекта) внутри сети так, чтобы получить конкурентное преимущество для данной конкретной позиции. Таким образом, структура самовоспроизводится и расширяется по мере того, как развивается конкуренция, в конечном счете усиливая глобальные характеристики экономики в целом. Для работы в условиях изменчивой геометрии производства и системы распределения фирме необходима очень гибкая форма управления, основанная как на гибкости самой фирмы, так и на доступе к необходимым коммуникациям и производственным технологиям (см. главу 3). Например, для использования деталей, произведенных в отдаленных уголках планеты, при сборке единого продукта, с одной стороны, необходимо использовать микроэлектронные технологии для контроля за качеством деталей, которые должны в точности соответствовать всем установленным критериям⁷², а с другой стороны, необходимо использовать гибкие компьютерные технологии, позволяющие заводу изменять темпы производства и различные характеристики продукта в зависимости от конкретного заказа⁷³. Кроме того, успех управления запасами будет зависеть от работы соответствующей сети поставщиков, которые теперь благодаря новым информационным технологиям могут корректировать спрос и предложение мгновенно⁷⁴.

---

60 Braudel (1967); Wallerstein (1974).

61 Chesnais (1994: 206-48); Shirref (1994); Heavey (1994); "Экономист" (1995b); Khoury и Ghosh (1987).

62 Sassen (1991).

63 Lee et al (1994); Chesnais (1994: 206-48).

64 Sengenberger и Campbell (1994).

65 Baldwin-Evans и Schain (1995); Fortes и Rumbault (1990); Soysal (1994).

66 Sagasti и Alberto (1988); Soete (1991); Johnston и Sasson (1986).

67 Castells и Hall (1994); Arthur (1985); Hall и Preston (1988); Soete (1991).

68 Andrieu et al (1992); Daniels (1993); Chesnais (1994:181-206).

69 Tyson (1992).

70 Chesnais (1994), UNCTAD (1993), Reich (1991), Stallings (1993), Porter (1990).

71 BRIE (1992), Dicken (1992), Reich (1991), Gereffi (1993), Imai (1990b).

72 Henderson (1989).

⁷³Coriat (1990).

74 Gereffi and Wyman (eds) (1990); Tetsuro and Steven (eds) (1994).

2.5 Архитектура и геометрия информационной/глобальной экономики

Теперь я могу резюмировать структуру и динамику новой глобальной экономики, возникающей из исторического взаимодействия между подъемом информационализма и капиталистической реструктуризацией.

Структура этой экономики характеризуется сочетанием постоянной архитектуры с изменчивой геометрией. Архитектура глобальной экономики отображает асимметрично взаимозависимый мир, организованный вокруг трех главных экономических регионов и все более поляризующийся по оси противостояния между продуктивными, процветающими, богатыми информацией областями и областями обездоленными, экономически и социально обесцененными. Среди трех доминирующих регионов - Европы, Северной Америки и Азиатско-тихоокеанского побережья - последний представляется наиболее динамичным, хотя и наиболее уязвимым, поскольку он зависит от открытости рынков других регионов. Однако переплетение экономических процессов между тремя регионами делает их судьбы практически неразделимыми. Вокруг каждого региона был создан экономический хинтерланд, где некоторые страны постепенно включались в глобальную экономику, как правило, через доминирующие регионы, которые являются их географическими соседями: Северная Америка для Латинской Америки; Европейский Союз для Восточной Европы, России и Южного Средиземноморья; Япония и Азиатско-тихоокеанский регион для остальной Азии, а также для Австралии, Новой Зеландии, и, может быть, для Российско-Тихоокеанского региона. Восточной Сибири и Казахстана;

Африка, хотя все еще зависящая от экс-колониальных экономических сетей, в глобальной экономике, по-видимому, все более маргинализуется; Средний Восток по большей части интегрирован в глобальные финансовые и энергетические сети, хотя сильно зависит от поворотов в мировой геополитике.

Разумеется, в возникновении такого мирового экономического порядка нет ничего автоматического: Россия, вероятно, вновь проявит себя как самостоятельная держава. Она могла бы установить связи с Японией, обеспечивая столь необходимую ей энергию и природные ресурсы, когда японский национализм будет готов к разрешению Курильского спора; Казахстан имеет крепкие связи с американскими нефтяными компаниями и с южнокорейскими *чеболами*; MERCOSUR¹⁸⁶ больше экспортирует в Европу, чем в Северную Америку, а Чили расширяет рынки в Азиатско-тихоокеанском регионе; Китай устанавливает связи скорее с сетями этнических китайцев в Тихоокеанском регионе, чем с Японией, и, по всей вероятности, составит в будущем внушительный экономический субрегион, имеющий больше трудовых ресурсов и капитала, чем область, центром которой является Япония. Южная Корея ни в коей мере не является придатком Японии и становится крупным мировым игроком в высокотехнологичных отраслях. Юг все более внутренне дифференцируется, и некоторые из его фрагментов со временем будут включены в Север; например, Индонезия вовлекается в бурные воды азиатско-тихоокеанской экономики через инвестиции фирм, принадлежащих как японцам, так и

этническим китайцам. Даже Африка не обязательно осуждена на нищету: как отмечалось выше, новая демократическая, управляемая черным большинством Южная Африка могла бы стать индустриальным, финансовым и технологическим магнитом Южно-Африканского субконтинента, установив связи с Анголой, Намибией, Мозамбиком, Ботсваной и Зимбабве, чтобы сформировать жизнеспособное субрегиональное единство. Несмотря на всю сложность этой структуры, существует унаследованная из истории базовая архитектура, формирующая развитие глобальной экономики.

Однако это не вся история. В рамках этой видимой архитектуры происходят динамические процессы конкуренции и изменений, которые вносят в глобальную систему экономических процессов изменчивую геометрию. Действительно, эволюция, которую я несколько схематично обрисовал на предыдущих страницах, показывает возникновение новейшей структуры международного разделения труда, характерной для глобальной экономики. То, что я называю новейшим международным разделением труда, построено вокруг четырех различных позиций в информационной/глобальной экономике: производители высокой стоимости, основанной на информационном труде; производители высоких объемов, основанных на низкооплачиваемом труде; производители сырья, базирующиеся на природных ресурсах; и лишние производители, труд которых обесценен. Дифференцированное размещение таких различных типов труда определяет также процветание рынков, поскольку создание дохода будет зависеть от способности создавать стоимость, включенную в каждый сегмент глобальной экономики. Критически важная проблема состоит в том, что наличие этих разных типов труда не совпадает с делением по странам. *Используя технологическую инфраструктуру информационной экономики, они организуются в сети и потоки.* Географически они концентрируются в некоторых областях планеты, так что глобальная экономика является географически дифференцированной. Однако новейшее международное разделение труда происходит не между странами, а между экономическими агентами, размещенными по четырем указанным выше типам труда в глобальной структуре сетей и потоков. Эти четыре указанные позиции присутствуют во всех странах, поскольку все сети глобальны в их реальности или по их целям. Даже маргинализированные экономики имеют небольшой управляющий сегмент функций, связанных с сетью производителей высокой стоимости, для того чтобы, по крайней мере, обеспечивать передачу любого капитала или информации, накапливающихся в стране. И, разумеется, в самых могущественных экономиках имеются маргинальные сегменты населения в позиции обесцененного труда, будь то в Нью-Йорке¹⁸⁷, Осаке¹⁸⁸ Лондоне¹⁸⁹ или Мадриде¹⁹⁰.

Поскольку позиция в международном разделении труда зависит, в принципе, не от характеристик страны, а от особенностей ее трудовых ресурсов (от заключенного в них знания) и от ее включенности в глобальную экономику, изменения могут происходить и действительно происходят в короткие промежутки времени. Решающую роль здесь играют действия правительств и предпринимательского сектора. Новейшее международное разделение труда организовано на базе трудовых ресурсов и технологий, но осуществляется и модифицируется правительствами и предпринимателями. Непрестанно меняющаяся геометрия, являющаяся результатом процессов инновации и конкуренции, борется с выстроенной в ходе истории архитектурой мирового экономического порядка, порождая творческий хаос, который характеризует новую экономику.

¹⁸⁶ MERCOSUR - торговая ассоциация, состоящая из Бразилии, Аргентины, Уругвая и Парагвая, представляющая собой зародыш будущего южноамериканского Общего рынка. В 1995 г. наибольшая часть экспорта MERCOSUR шла в Европейский Союз.

¹⁸⁷ Mollenkopf and Castells (eds) (1991).

¹⁸⁸ Sugihara et al. (1988).

¹⁸⁹ Lee and Townsend (1993).

¹⁹⁰ Leal (1993).

3.6 Дух информационализма

Классическое эссе Макса Вебера *"Протестантская этика и дух капитализма"*, впервые опубликованное в 1904-1905 гг.¹³⁸, все еще остается методологическим краеугольным камнем любой теоретической попытки схватить сущность культурно-институциональных трансформаций, которые в истории возвещают новую парадигму любой экономической организации. Его содержательный анализ корней капиталистического развития был поставлен под вопрос историками, которые указывали на альтернативные исторические формы, поддерживавшие капитализм так же эффективно, как англосаксонская культура, хотя и в иных институциональных формах. Кроме того, внимание в этой главе сосредоточено не столько на капитализме, который, несмотря на свои социальные противоречия, жив и здравствует, сколько на информационализме, новом способе развития, который изменяет, но не замещает господствующий способ производства. Однако теоретические принципы, предложенные Максом Вебером почти столетие назад, еще полезны для извлечения смысла из серии анализов и наблюдений, которые я представил в этой главе, сведя их вместе для освещения новой культурно-институциональной конфигурации, лежащей в основе организационных форм экономической жизни. В знак уважения к одному из отцов-основателей социологии я назову эту конфигурацию "духом информационализма". Откуда начать? Как продолжать? Перечитаем Вебера:

"Дух капитализма. Что следует понимать под ним?.. Если может быть найден объект, к которому этот термин применим с каким-либо поддающимся пониманию значением, он может быть только исторически индивидуальным объектом, т. е. комплексом элементов, ассоциированных в исторической реальности, которые мы объединяем в концептуальное целое с точки зрения их культурной значимости. Такая историческая концепция, однако, поскольку она относится в своем содержании к феномену, значимому в своей уникальной индивидуальности,.. должна быть постепенно собрана из индивидуальных частей, которые берутся из исторической реальности. Таким образом, эта финальная и дефиниционная концепция не может находиться в начале исследования, но должна появиться в его конце"¹³⁹.

Мы подошли к концу, по крайней мере, к концу этой главы. Каковы же элементы исторической реальности, которые, как мы показали, ассоциированы в новой организационной парадигме? И как можем мы объединить их в концептуальное целое, имеющее историческую значимость?

Эти элементы есть, и прежде всего это - *деловые сети* в различных формах, различных контекстах и проистекающие из различных культурных выражений. Семейные сети в китайских обществах и северной Италии; предпринимательские сети, возникающие из

технологических питомников в инновационной среде, как в Силиконовой долине; иерархические коммунальные сети японского типа *кейрецу*, организационные сети децентрализованных корпорационных единиц из бывших вертикально интегрированных корпораций, вынужденных адаптироваться к реальностям эпохи; пересекающие границы сети, проистекающие из стратегических союзов между фирмами.

Имеются также *технологические инструменты*: новые телекоммуникационные сети; новые мощные настольные компьютеры; новое адаптивное саморазвивающееся программное обеспечение; новые мобильные коммуникационные устройства, осуществляющие связь с любым местом в любое время; новые рабочие и менеджеры, связанные друг с другом вокруг трудовых задач и результатов, способные говорить на одном и том же языке - цифровом языке.

Имеется *глобальная конкуренция*, вынуждающая к постоянному обновлению продуктов, процессов, рынков и экономических вложений, включающих капитал и информацию.

Имеется, как всегда, *государство*: государство развития в стартовой стадии новой экономики, как в Восточной Азии; агент инкорпорирования, когда экономические институты должны быть перестроены, как в процессе объединения Европы; координирующее, когда территориальные сети нуждаются в питательной поддержке региональных или местных правительств, чтобы генерировать синергетические эффекты, которые создадут инновационную среду; и ориентированный на миссию вестник, когда он направляет национальную экономику или мировой экономической порядок на новый исторический курс, сценарий которого записан в технологии, но не выполняется в деловой практике, подобно проекту правительства Соединенных Штатов построить "информационный суперхайвей двадцать первого столетия", невзирая на бюджетный дефицит. Все эти элементы сходятся, чтобы дать возникнуть сетевому предприятию.

Возникновение и консолидация сетевого предприятия во всех его разнообразных проявлениях вполне может быть ответом на "загадку производительности", которая отбрасывает такую длинную тень на мой анализ информационной экономики в предшествующей главе. Как утверждают Бар и Борроуз в своем анализе будущего сетей:

"Одна из причин, по которой инвестиции в информационную технологию не выразились в повышении производительности, состоит в том, что они вначале служили автоматизации существующих трудовых задач. Нередко автоматизировались неэффективные способы ведения дел. Реализация потенциала информационной технологии требует существенной реорганизации. Способность реорганизовать трудовые задачи по мере того, как они становятся автоматизированными, опирается в основном на доступность целостной инфраструктуры, т. е. гибкой сети, способной связывать между собой различные виды опирающейся на компьютеры деловой деятельности".

Авторы устанавливают историческую параллель с влиянием децентрализации малых электрических генераторов на производство в цехах промышленных фабрик и приходят к следующему выводу: "Эти децентрализованные компьютеры только теперь (1993 г.) стали взаимосвязанными настолько, чтобы позволить и поддержать реорганизацию. Там, где это было эффективно достигнуто, налицо соответствующий выигрыш в производительности"¹⁴⁰.

Хотя все эти элементы являются ингредиентами новой парадигмы развития, им еще недостает культурного клея, который соединяет их вместе. Макс Вебер писал: "Капитализм сегодняшнего дня, господствующий в экономической жизни, обучает и

отбирает субъекты экономической жизни, в которых нуждается, через процесс экономического выживания приспособленных. Но здесь легко можно видеть пределы концепции отбора, как средства исторического объяснения. Чтобы образ жизни, так хорошо адаптированный к особенностям капитализма, мог быть отобран вообще, т. е. дойти до господства над другими, он должен где-то родиться, и не только в изолированных индивидах, но как образ жизни, общий для целой группы людей. Это происхождение как раз действительно нуждается в объяснении... На родине Бенджамина Франклина... дух капитализма присутствовал еще до капиталистического порядка".

И он добавляет: "Факт, который должен быть объяснен исторически, состоит в том, что в самом высокоразвитом капиталистическом центре того времени, Флоренции XIV и XV вв., служившей рынком денег и капитала для всех великих держав того времени, эта установка [защита Бенджамином Франклином стремления к прибыли] считалась этически неоправданной, или, в лучшем случае, ее терпели. Но в глуши мелкобуржуазной Пенсильвании XVIII в., где из-за простого отсутствия денег постоянно возникала угроза вернуться назад к бартеру, где едва ли были и намеки на крупное предприятие, где можно было найти только самые начатки банковского дела, та же самая установка являлась сущностью морального поведения, даже внушалась людям во имя долга. Говорить здесь об отражении материальных условий в идеальной надстройке было бы очевидным нонсенсом. Каков же был круг идей, которые могли оправдать деятельность, явно направленную на извлечение прибыли, как призвание, которому индивид чувствовал себя этически обязанным следовать? Ибо именно эта идея дала образу жизни нового предпринимателя свой этический фундамент и оправдание¹⁴¹.

Что есть этический фундамент информационализма? И нуждается ли он в этическом фундаменте вообще? Я должен напомнить терпеливому читателю, что в исторический период подъема информационализма капитализм, хотя в новых, глубоко модифицированных, *vis-a-vis* с эпохой Вебера, формах, еще работает как господствующая экономическая форма. Таким образом, корпоративный характер накопления, обновленная притягательность потребительского общества являются движущими культурными формами в организациях информационализма. Вдобавок, государство и утверждение национально-культурной идентичности, как было показано, играют роль решающей силы на арене глобальной конкуренции. Семьи во всей своей сложности продолжают процветать и воспроизводиться посредством экономической конкуренции, накопления и наследования. Но в то время, как все эти элементы, вместе взятые, кажется, объясняют культурную устойчивость обновленной капиталистической конкуренции, они не кажутся достаточно специфичными, чтобы различить нового агента такой капиталистической конкуренции - сетевое предприятие.

Первый раз в истории базовая единица экономической организации не есть субъект, будь он индивидуальным (таким, как предприниматель или предпринимательская семья) или коллективным (таким, как класс капиталистов, корпорация, государство). Как я пытался показать, единица есть сеть, составленная из разнообразного множества субъектов и организаций, непрестанно модифицируемых по мере того, как сети приспособляются к поддерживающим их средам и рыночным структурам. Что связывает вместе эти сети? Являются ли они чисто инструментальными, случайными союзами? Это, может быть, и так для конкретных сетей, но сетевая форма организации должна иметь свое собственное культурное измерение. В противном случае, экономическая деятельность должна выполняться в социально-культурном вакууме - мнение, которое может поддерживаться некоторыми ультрарационалистическими экономистами, но полностью опровергается историческими свидетельствами. Что же тогда есть этот "*этический фундамент сетевого предприятия*", этот "*дух информационализма*" ?

Безусловно, он не является новой культурой в традиционном смысле системы ценностей, поскольку множественность субъектов сети и разнообразие сетей отвергает такую единую "сетевую культуру". Он не является также совокупностью институтов, поскольку мы наблюдали разное развитие сетевых предприятий в разнообразных институциональных окружениях до точки, где они формируются такими окружениями в широком диапазоне форм. Но имеется действительно общий культурный код в разнообразных устройствах сетевого предприятия. Он составлен из многих культур, многих ценностей, многих проектов, которые приходят на ум и дают сведения для выработки стратегий различных участников сетей, меняясь тем же темпом, что и участники сети, и следуя той же организационной и культурной трансформации единиц сети. Это действительно культура, но культура эфемерного, культура каждого стратегического решения, скорее лоскутное одеяло, сшитое из опыта и интересов, чем хартия прав и обязанностей. *Это многоликая виртуальная культура, как в визуальных переживаниях, созданных компьютерами в киберпространстве путем переустройства реальности. Но это и не фантазия, это действенная сила, поскольку она дает информацию для властных экономических решений в каждый момент жизни сети и осуществляет их. Но живет она недолго, она поступает в компьютерную память как сырой материал, состоящий из успехов и неудач прошлого. Сетевое предприятие учится жить в этой виртуальной культуре. Любая попытка кристаллизации позиций в сети, как культурного кода в конкретном времени и пространстве, приговаривает сеть к устареванию, поскольку она становится слишком жесткой для изменчивой геометрии, которой требует информационализм. "Дух информационализма" есть культура "созидательного разрушения", ускоренная до скорости оптических электронных цепей, через которые проходят ее сигналы. В киберпространстве сетевого предприятия Шумпетер встречается с Вебером.*

В том, что касается потенциальных социальных последствий этой новой экономической истории, голос мастера мощно звучит и 100 лет спустя: "Современный экономический порядок... привязан теперь к техническим и экономическим условиям машинного производства, которое сегодня определяет жизни всех индивидов, которые родились в этом механизме, а не только тех, кто непосредственно и непреодолимо озабочен экономическим приобретением... Забота о внешних благах должна бы лежать на плечах "только как легкий плащ, который можно сбросить в любой момент". Но судьба решила, что плащ должен сделаться железной клеткой... Сегодня дух религиозного аскетизма... вырвался из клетки, но победоносный капитализм, поскольку он опирается на механические фундаменты, больше не нуждается в его поддержке... Никто не знает, кто будет жить в этой клетке в будущем, или в конце этой ужасной цепи событий придут совершенно новые пророки, или произойдет великое возрождение старых идей, или, если всего этого не будет, наступит механизированное окаменение, украшенное чем-то вроде конвульсивного самодовольства, ибо о людях последней стадии этого культурного развития можно поистине сказать: "Специалисты без духа, сенсуалисты без сердца; эти ничтожества воображают, что они достигли уровня цивилизации, не достигнутого никогда прежде"¹⁴².

---

¹³⁸ Weber (1958).

¹³⁹ Weber (1958: 47).

¹⁴⁰ Bar and Bon-us (1993: 6).

¹⁴¹ Weber (1958: 55 and 75).

5.2 От "галактики Гутенберга" к "галактике Маклюэна": возникновение культуры средств массовой информации

Распространение телевидения за три десятилетия после окончания второй мировой войны (в разные периоды и с переменной интенсивностью в зависимости от страны) создало новую "галактику коммуникаций", если воспользоваться маклюэновской терминологией⁷. Не то чтобы другие средства массовой информации исчезли, но они были реструктурированы и реорганизованы в систему, сердце которой состояло из электронно-лучевых трубок, а лицо представляло собой телевизионный экран⁸. Радио потеряло свою центральную роль, но выиграло в повсеместном распространении и гибкости, приспособляя методы и темы передач к повседневной жизни людей. Фильмы трансформировались таким образом, чтобы подходить телевизионной аудитории (за исключением субсидируемых правительством культурных программ и шоу со специальными эффектами, требующими большого экрана). Газеты и журналы стали специализироваться, углубляя свое содержание или ориентируясь на целевые аудитории, в то же время заботясь о поставке стратегической информации доминирующему средству коммуникации - телевидению⁹. Что же до книг, они остались книгами, хотя во многих из них чувствовалось бессознательное желание авторов превратить их в телевизионные сценарии; списки бестселлеров скоро пополнились названиями, относящимися к телевизионным персонажам или популярным на ТВ темам.

Причина, по которой телевидение стало основным видом коммуникации, и поныне остается предметом жаростных дебатов среди ученых и критиков¹⁰. Правдоподобным объяснением представляется гипотеза У. Рассела Неймана, которую я перефразировал следующим образом: успех телевидения есть следствие базового инстинкта ленивой аудитории. В свете наличных данных она представляется приемлемой. Сам Нейман выражается так: "Ключевой результат исследований влияния образования и рекламы, который нужно чистосердечно признать, если мы хотим понять природу низкой эффективности обучения в отношении политики и культуры, состоит попросту в том, что люди выбирают пути наименьшего сопротивления"¹¹. Нейман основывает свою интерпретацию на разработанных Гербертом Саймоном и Энтони Даунсом более широких психологических теориях, придающих особое значение психологическим издержкам на восприятие и обработку информации. Я склонен видеть корни такой логики поведения не в человеческой природе, а в притягательности домашнего уюта после долгих дней напряженного повседневного труда и в недостатке альтернатив личностного и культурного включения в общение¹². Тем не менее при данных социальных условиях жизни в наших обществах синдром минимальных усилий, который связывают с телевизионной коммуникацией, мог бы объяснить быстроту и широту распространения ТВ, как коммуникационного средства, едва только оно вышло на историческую арену. Например, согласно исследованиям СМИ¹³, лишь немногие люди выбирают заранее программу, которую они хотели бы посмотреть. Как правило, первое решение - посмотреть телевизор, а затем программы переключаются до тех пор, пока не выбирается наиболее привлекательная, либо, что гораздо чаще, наименее скучная.

Систему, в которой доминирует телевидение, можно характеризовать как систему массовой информации¹⁴. Одно и то же сообщение передается от немногих централизованных передатчиков миллионам телезрителей. Таким образом, содержание и форма сообщений приводятся к наименьшему общему знаменателю. В случае частного ТВ, преобладающего в США - в стране, где родилось телевидение, этот наименьший

общий знаменатель аудитории определяется по оценке рыночных экспертов. Для большей части мира, где правительственное телевидение господствовало по крайней мере до начала 1980-х годов, стандартом считался наименьший общий знаменатель, формирующийся в мозгах бюрократов, контролирующих вещание, хотя роль рейтингов постепенно повышалась. В обоих случаях аудитория считалась однородной, либо предполагалось, что ее можно сделать таковой¹⁵. Понятие массовой культуры, возникающей из массового общества, было прямым отображением системы средств информации, результатом того, что новая электронная коммуникационная технология контролировалась правительствами и олигополией крупных корпораций¹⁶.

Что было в телевидении принципиально нового? Новизна заключалась не в его централизации и не в его потенциале как оружия пропаганды. В конце концов, еще Гитлер показал, каким мощным оружием, резко повышающим эффективность односторонне направленной пропаганды, может быть радио. Но ТВ означало прежде всего конец господства галактики Гутенберга, т. е. системы коммуникации, в которой доминировали типографское мышление и фонетический алфавит¹⁷. Для всех своих критиков (которых обычно отталкивала его невнятная и причудливая манера выражаться) Маклюэн нашел ключевое выражение, заявив со всей простотой, что "средство есть сообщение".

"Режим телевизионного изображения не имеет ничего общего с фильмом или фотографией, за исключением того, что оно также предлагает невербальный образ или положение формы. Зритель; когда он смотрит телевизор, как бы представляет собой экран. Он бомбардируется световыми импульсами, которые Джеймс Джойс называет "атакой бригады легкой кавалерии"... Телевизионное изображение еще не кинокадр. Но это также вовсе и не фотография, а непрерывно формирующийся контур предметов, очерчиваемых сканирующим лучом. В результате пластичный контур получается не путем освещения, а просвечиванием. Сформированное таким образом изображение обладает скорее свойствами скульптуры или иконы, чем картины. Телевизионное изображение посылает на зрителя около трех миллионов точек в секунду. Из них в каждое мгновение он воспринимает лишь несколько десятков, из которых создается изображение"¹⁸.

Далее, по словам Маклюэна, из-за низкой степени четкости телевидения зритель должен заполнять зазоры в изображении, тем самым повышая степень эмоционального включения в просмотр (которое он, автор, как это ни парадоксально, характеризует как "спокойное средство"). Это не противоречит гипотезе наименьших усилий, так как телевидение обращается к ассоциативному/лирическому мышлению, не включая психологические усилия для получения и анализа информации, о которых говорит теория Герберта Саймона. Вот почему Нейл Постмен, ведущий авторитет в области средств информации, полагает, что это и является причиной, по которой телевидение представляет собой исторический разрыв с "типографским мышлением". В то время как печатное слово благоприятствует систематическому изложению, телевидение лучше приспособлено к непринужденному разговору. Подчеркнем разницу его собственными словами:

"Печатное слово имеет сильнейшее пристрастие к объяснению; оно требует изощренной способности мыслить концептуально, дедуктивно и последовательно, высокой оценки причины и следствия, недопустимости противоречий, большой способности к беспристрастности и объективности, терпимости к замедленной реакции"¹⁹.

На телевидении же "развлечение представляет собой основу всей системы общения со зрителем. При этом не имеет никакого значения, что именно и с какой точки зрения отображается; всеми и повсюду принято, что происходящее на экране показывается для

нашего развлечения и удовольствия"²⁰. Несмотря на все разногласия в социально-политических следствиях результатов анализа, от веры Маклюэна в универсальный объединяющий человечество потенциал ТВ до луддистских установок Джерри Мандера²¹ и некоторых других критиков массовой культуры²², диагнозы совпадают по двум фундаментальным позициям: за несколько лет развития телевидение стало культурным эпицентром наших обществ²³; а телевизионный способ коммуникации является фундаментально новым средством, характерным своей соблазнительностью, сенсорной имитацией реальности и легкостью восприятия с наименьшим психологическим усилием.

Именно благодаря телевидению в последние три десятилетия во всем мире произошел коммуникационный взрыв²⁴. В США, в наибольшей степени ориентированных на телевидение, в конце 1980-х годов телевидение передавало 3600 изображений в минуту на один канал. По данным, представленным в докладе Нильсена, в американском доме телевизор бывает включен приблизительно 7 ч в день, причем действительный период времени просмотра телевизионных программ составляет ежедневно 4,5 ч на одного взрослого человека. К этому следовало бы добавить радио, которое передает до 100 слов в минуту и которое слушают в среднем два часа в день (в основном в автомобилях). Средняя ежедневная газета содержит 150 000 слов, и время, ежедневно затрачиваемое на чтение газет, составляет от 18 до 49 мин, а на просмотр популярных журналов уходит от 6 до 30 мин и, наконец, чтение книг, включая литературу по школьной программе, занимает около 18 мин в день²⁵. Натиск СМИ имеет кумулятивный характер. Согласно данным некоторых исследований, в тех домах в США, где имеется кабельное телевидение, смотрят больше национальных сетевых программ, чем в домах без кабельного телевидения. В целом, средний взрослый американец ежедневно уделяет 6,43 ч на средства массовой информации²⁶. Эту цифру можно сравнить с другими данными, согласно которым ежедневно на одного человека приходится 14 мин для межличностного общения в семье (хотя в строгом смысле слова эти данные несопоставимы)²⁷. В Японии в 1992 г. еженедельное время, потраченное на просмотр телевизионных программ на одну семью, составляло 8 ч 17 мин в день, что на 25 мин больше, чем в 1980 г.²⁸ Другие страны, кажется, не являются столь активными потребителями информации, поступающей из СМИ: например, в конце 1980-х годов взрослое население Франции тратило на просмотр телепрограмм ежедневно около 3 ч²⁹. До сих пор доминирующие модели поведения во всем мире показывают, что в урбанизированных обществах просмотр телевизионных программ представляет собой вторую крупнейшую категорию деятельности после работы и, уж во всяком случае, основное занятие, когда человек находится дома³⁰. Для правильного понимания роли СМИ в нашей культуре указанное наблюдение тем не менее следует уточнить: прослушивание радиопередач и просмотр телевизионных программ ни в коей мере не исключают других занятий. Обычно они сочетаются с выполнением домашних работ, с общими трапезами, социальными взаимодействиями. Это почти постоянно присутствующий фон, ткань нашей жизни. Мы живем ими и с ними. Маклюэн рассматривал технологии массовой информации наподобие сырья или природных ресурсов³¹. Точнее сказать, СМИ, особенно радио и телевидение, стали аудиовизуальной окружающей средой, с которой мы непрерывно и автоматически взаимодействуем. Очень часто телевидение прежде всего означает "присутствие" других людей в доме - драгоценное свойство в обществе, где все больше людей живет в одиночестве (в 1990-х годах 25% американских домохозяйств состояли из одного человека). Хотя в других обществах ситуация не столь экстремальна, тенденция к снижению размеров домохозяйств в Европе носит сходный характер.

Казалось бы, что это вездесущее могущественное присутствие действующих на подсознание звуков и изображений драматическим образом воздействует на социальное поведение. Однако существующие исследования указывают на противоположные выводы.

На основе анализа литературы В. Рассел Нейман пришел к следующему заключению: "Полученные за пять десятилетий систематических социальных исследований результаты показывают, что аудитория СМИ, включающая как молодых людей, так и другие возрастные категории, не является беспомощной, и СМИ отнюдь не всемогущи. Развивающаяся теория ограниченных и обусловленных следствий влияния СМИ помогает осмыслить перспективы исторического цикла моральной паники вокруг новых СМИ"³².

Более того, очевидно, что все попытки приостановить поток рекламных сообщений, получаемых через средства массовой информации, имеют ограниченный результат. Согласно Дрэперу³³, несмотря на то, что среднему американцу показывают приблизительно 1600 рекламных сообщений ежедневно, люди реагируют (и не обязательно позитивно) примерно лишь на 12 из них. Действительно, Макгайр³⁴ после изучения накопленных фактов относительно результатов рекламы, передаваемой с помощью СМИ, пришел к заключению, что не существует веских подтверждений специфического воздействия рекламы в СМИ на реальное поведение; это весьма иронический вывод для индустрии, тратящей в настоящее время ежегодно на рекламу 50 млрд. долл. В таком случае, почему же фирмы по-прежнему держатся за рекламу? Прежде всего, они перекладывают затраты на нее на потребителей: согласно журналу *The Economist*, в 1993 г. "бесплатное телевидение" обходилось каждой американской семье в 30 долл. в месяц. Однако сущностный ответ на столь важный вопрос требует, чтобы мы сначала подвергли анализу механизмы, с помощью которых телевидение и другие СМИ влияют на поведение.

Ключевая проблема состоит в том, что на данный момент СМИ представляют собой однонаправленную коммуникационную систему; поэтому реального процесса коммуникации как взаимодействия передающей и получающей стороны при интерпретации сообщения нет. Умберто Эко в своем новаторском докладе (1977г.), озаглавленном "Оказывает ли аудитория дурное влияние на телевидение?", с большой проницательностью оценил перспективы эффекта воздействия СМИ как незначительные. Он писал:

"Существует, в зависимости от социокультурных обстоятельств, разнообразие кодов, или, скорее, правил компетентной интерпретации. Сообщение есть знаковая форма, которую можно наполнить разным содержанием... Возникает подозрение, что отправитель организует телевизуальный образ на базе своих собственных кодов, совпадающих с кодами господствующей идеологии, тогда как адресаты наполняют этот образ иными смыслами согласно их собственным культурным кодам"³⁵.

Из этого анализа вытекает следующее: "Мы знаем одно: не существует "массовой культуры" в смысле, вносимом воображением апокалиптических критиков массовой коммуникации, так как эта модель конкурирует с другими (состоящими из исторических наслоений, классовой культуры, аспектов высокой культуры, передаваемых через образование и т. д.)"³⁶.

В то время как историки и эмпирические исследователи СМИ найдут это высказывание полным чистейшего здравого смысла, оно, если отнестись к нему серьезно, как это делаю я, решительно подрывает один фундаментальный аспект критических социальных теорий от Маркузе до Хабермаса. Одна из иронических сторон интеллектуальной истории состоит в том, что именно те мыслители, которые проповедуют социальные изменения, часто смотрят на людей, как на пассивные объекты идеологического манипулирования, фактически исключая любые социальные движения и социальные изменения, кроме проходящих под знаком исключительных, уникальных событий, возникающих вне

социальной системы. Если люди, организуя свое поведение и принимая решения, пользуются некоторой степенью автономности, то сообщения, посылаемые СМИ, должны взаимодействовать с получателями. Таким образом, понятие средств массовой информации относится к технологической системе, а не к форме культуры - массовой культуре. И в самом деле, некоторые психологические эксперименты показывают, что даже если ТВ передает 3600 изображений в минуту на канал, мозг сознательно реагирует лишь на один сенсорный стимул из миллиона переданных³⁷.

Однако указание на автономию человеческой мысли и индивидуальных культурных систем в наполнении получаемых сообщений реальным смыслом не подразумевает нейтральность институтов СМИ или незначительность их воздействия. Эмпирические исследования показывают, что СМИ не являются независимыми переменными, формирующими поведение. Их сообщения, эксплицитные или влияющие на подсознание, перерабатываются индивидами, помещенными в специфические социальные условия, видоизменяющими тем самым подразумеваемый эффект сообщения. Но средства массовой информации, особенно аудиовизуальные, действительно представляют собой в нашей культуре основной материал коммуникационных процессов. Мы живем в среде СМИ, и из них приходит большинство наших символических стимулов. Более того, как показала Сесилия Тичи в своей удивительной книге *"Электронный очаг"*³⁸, СМИ - это культура, в которой предметы и символы соотносятся с телевидением, от форм домашней мебели до стиля и тем разговора. Реальная власть телевидения, как утверждали также Эко и Постмен, в том, что оно подготавливает сцену для всех процессов, информация о которых должна сообщаться обществу в целом, от политики до бизнеса, спорта и искусства. Телевидение структурирует (frames) язык социетальных коммуникаций. Если компании, несмотря на обоснованные сомнения в реальном прямом влиянии рекламы на продажи, продолжают тратить на нее миллиарды, это может происходить потому, что отказаться от телевизионной рекламы известной марки для рекламодателей обычно означает признать свое поражение от конкурентов, не прекращающих рекламу. Хотя влияние телевидения на политический выбор весьма разнообразно, политика и политики, не имеющие выхода на телевидение в развитых обществах, просто не имеют шанса получить поддержку населения, поскольку люди получают информацию из СМИ, где телевидение занимает ведущее место³⁹. Социальное влияние телевидения носит бинарный характер: быть или не быть. Раз сообщение попало на телевидение, оно может быть изменено, трансформировано, даже извращено. Но в обществе, организованном вокруг СМИ, существование сообщений за их пределами ограничено сетями межличностного общения, исчезая из коллективного сознания. Однако цена за появление сообщения на телевидении - не просто деньги или власть. Сообщение становится частью мультисемантического текста, синтаксис которого является крайне расплывчатым. Информация и развлечения, образование и пропаганда, релаксация и гипноз - все сливается и затуманивается в языке телевидения. Поскольку контекст восприятия контролируется и хорошо знаком получателю, все сообщения абсорбируются в уютном образе дома или квазидомашних ситуаций (например, спорт-бары, куда люди приходят смотреть вместе спортивные передачи, остались одной из немногих реальных расширенных семей).

Эта нормализация сообщений, где жестокие образы реальной войны воспринимаются почти как кадры художественного фильма, имеет один фундаментальный эффект: приведение всего содержания к набору образов, имеющих у каждого человека. Таким образом, являясь символической тканью нашей жизни, СМИ воздействуют на сознание и поведение так же, как реальный опыт воздействует на сны, поставляя сырой материал, над которым работает наш мозг. Похоже, что мир визуальных грез (информация/развлечения, предоставляемые телевидением) возвращает нашему сознанию власть выбирать,

рекомбинировать изображения и звуки, которые мы создали через нашу коллективную практику или индивидуальные предпочтения. Это система обратной связи между кривыми зеркалами: СМИ есть выражение нашей культуры, а наша культура работает главным образом через материалы, поставляемые СМИ. В этом фундаментальном смысле система средств массовой информации воплотила большинство черт, о которых писал Маклюэн в начале 1960-х годов, - она стала "галактикой Маклюэна"⁴⁰. Однако тот факт, что аудитория - не пассивный объект, но интерактивный субъект, открыл пути к дифференциации аудитории и с того момента как технология, корпорации и институты позволили такие шаги, - к последующей трансформации СМИ в сторону сегментации, "работы на заказ", индивидуализации.

---

⁷ McLuhan (1964).

⁸ Ball-Rokeach and Cantor (eds) (1986).

⁹ Postman (1985).

¹⁰ Ferguson (ed.) (1986); Withey and Abeles (eds) (1980).

¹¹ Neuman (1991: 103).

¹² Mattelart and Sturdze (1982); Trejo Delarbre (1992).

¹³ Neumann (1991).

¹⁴ Blumler and Katz (eds) (1974).

¹⁵ Botein and Rice (eds) (1980).

¹⁶ Neumann (1991).

¹⁷ McLuhan (1962).

* Далее в цитате из Маклюэна идет непереводаемая игра слов: "(He is bombarded with light impulses) that James Joyce called "The Charge of the Light Brigade"... Здесь аллюзия на название хрестоматийного стихотворения Теннисона. В английском языке слово light как прилагательное означает "легкий", в данном случае сравнение бомбардировки световыми импульсами с "атакой бригады легкой кавалерии" эффектно, но противоречит содержанию упомянутого исторического события. "Бомбардировкой", а точнее, залпами русской картечи, была встречена как раз бригада британской легкой кавалерии, брошенная под Балаклавой (в Крымскую войну) по приказу бездарного начальства в лобовую атаку на русские батареи. Из 600 кавалеристов ("noble six hundred", по выражению поэта-лауреата) в живых осталось менее 30. Хотели, вероятно, повторить знаменитую атаку польских улан под Сомосьеррой, но такие вещи не повторяются. - Прим. пер.

¹⁸ McLuhan (1964: 313).

¹⁹ Postman (1985: 87).

- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Mander (1978).
- ²² Mankiewicz and Swerdlow (eds) (1979).
- ²³ См. Williams (1974); Martin and Chaudhary (eds) (1983).
- ²⁴ Williams (1982).
- ²⁵ Данные из различных источников приводятся в Neumann (1991).
- ²⁶ Данные приводятся в Sabbah (1985); Neumann (1991).
- ²⁷ Sabbah (1985).
- ²⁸ Dentsu Institute for Human Studies/DataFlow International. (1994: 67).
- ²⁹ Neumann (1991); по Японии см. Sato et al. (1995).
- ³⁰ Sorlin (1994).
- ³¹ McLuhan (1964: 12).
- ³² Neuman (1991:87).
- ³³ Draper Roger. The Faithless Shepard//New York Review of Books. June 26; приведено в Neuman (1991).
- ³⁴ McGuire (1986).
- ³⁵ Eco (1977:90).
- ³⁶ Ibid.: 98.
- ³⁷ Меитап(1991:91).
- ³⁸ ТюБИ(1991).
- ³⁹ Lichtenberg (ed.) (1991).
- ⁴⁰ Я называю электронную систему массовых коммуникаций "галактикой Маклюэна" в знак уважения к революционному мыслителю, увидевшему в ее существовании особый способ когнитивного выражения. Нужно подчеркнуть, однако, что, как будет показано в этой главе, мы вступаем в новую коммуникационную систему, явно отличную от той, которую предвидел Маклюэн.

5.4.3 Интерактивное общество

Компьютерная коммуникация - слишком недавнее явление, и круг охваченных ею людей был ко времени написания этой книги (1995 г.) слишком узок, чтобы она стала объектом строгих и достоверных исследований. Большинство часто приводимых примеров имеет

характер частных свидетельств, а самыми надежными источниками зачастую являются сообщения журналистов. Кроме того, технология меняется так быстро, а компьютерная коммуникация расширяется такими темпами, что большинство имеющихся исследований 1980-х годов едва ли применимо к социальным трендам 1990-х, т. е. именно того исторического момента, когда новая коммуникационная культура принимает определенную форму. Однако рассмотреть социальные следствия новых коммуникационных процессов в рамках имеющихся данных будет методологически полезно, несмотря на несколько противоречивые результаты. Я буду опираться на обзор ограниченного круга работ из сферы социальных наук, посвященных компьютерной коммуникации, чтобы предложить некоторые предварительные направления интерпретации отношений между коммуникацией и обществом в условиях компьютерной интерактивной технологии⁷¹. Прежде всего, компьютерная коммуникация не есть всеобщее средство коммуникации и не будет таковым в обозримом будущем. Хотя ее использование расширяется феноменальными темпами, она, в отличие от телевидения и других СМИ, еще долго не сможет охватить большинство человечества. Конечно, в 1994 г. более трети американских семей имели персональные компьютеры и по объему продаж РС впервые опередили телевизоры. Западная Европа в середине 1990-х годов также пережила компьютерный бум, но в семьях персональных компьютеров было меньше (менее 20% семей, если исключить видеотекс-терминалы). Япония значительно отставала по обеспеченности домашним компьютерным оборудованием и использованию компьютеров вне рабочего места⁷². Остальной мир (за исключением Сингапура), несмотря на высокие темпы распространения компьютеров повсюду, кроме Африки, жил еще явно в другом коммуникационном веке, невзирая на сотовые телефоны и пейджеры, неустанно жужжащие по всему тихоокеанскому побережью Азии. Без сомнения, все это переменится со временем, но темпы распространения интерактивных коммуникаций еще долго не смогут соперничать с темпами телевидения⁷³.

Другая тема, к которой я перейду в следующем разделе, состоит в том, что использование интерактивной коммуникации в мультимедиа-системах станет, вероятно, доступным, в крайне упрощенных версиях, для большей части населения во многих странах. Но компьютерная коммуникация как таковая останется принадлежностью образованной части населения наиболее развитых стран, насчитывающей десятки миллионов людей, но в глобальном масштабе остающейся элитой. Даже число пользователей Интернета, как указывалось выше, оспаривается опытными экспертами на том основании, что подключение к Интернету еще не означает фактического пользования, на одну связь приходится менее десяти пользователей - множитель, обычно используемый при оценках⁷⁴. И даже среди фактических пользователей только меньшинство действительно пользуется сетью активно. Обследование американских пользователей BBS, опубликованное в 1993 г., показало, что только 18% из них проявляли активность еженедельно, среднее количество вызовов составляло 50 в неделю на одну BBS; 38% операций были связаны с наполнением системы (were uploads of the system) и 66% содержания "доски" было посвящено компьютерным делам⁷⁵. Как и ожидалось, обследования владельцев персональных компьютеров показывают, что они материально обеспечены выше среднего, заняты полную неделю и одиноки, реже - на пенсии или удалились от дел⁷⁶. Большинство из них (как и среди пользователей BBS) - мужчины. Что касается пользователей Интернета, обследование, проведенное на национальной выборке в США, показало, что 67% пользователей - мужчины и свыше половины из них принадлежат к возрастной категории 18-34 года. Их семейный доход - 50-75 тыс. долл., среди занятий наиболее часто отмечаются сфера образования, торговля и инженерные профессии⁷⁷. Другое обследование (также в США, в 1995 г.) снова показало, что 65 % пользователей - зажиточные мужчины (средний семейный доход 62 тыс. долл.), хотя они старше, чем указано в других обследованиях (средний возраст - 36 лет)⁷⁸. Таким образом,

компьютерная коммуникация начинает свой путь в качестве средства коммуникации для образованного и процветающего сегмента населения самых образованных и зажиточных стран, чаще всего в больших, наиболее высокоразвитых метрополисах. Ясно, что в ближайшем будущем использование компьютерной коммуникации расширится, особенно через систему образования, и охватит существенную долю населения *индустриального мира*; она перестанет быть исключительно элитным феноменом, хотя и охватит намного меньше людей, чем СМИ. Однако тот факт, что она распространяется последовательными волнами, начиная с культурной элиты, означает, что она будет формировать коммуникационные привычки через привычки пользователей первой волны.

Компьютерная коммуникация все больше приобретает критическую важность в формировании будущей культуры. Элиты, которые дали ей форму, получают структурные преимущества в возникающем теперь обществе. Таким образом, хотя компьютеры поистине революционизировали процесс коммуникации, а через него - культуру в целом, эта революция распространяется концентрическими кругами, начинаясь на высоком уровне образования и богатства, но оставаясь, вероятно, неспособной охватить необразованные массы и бедные страны.

Однако в группе регулярных пользователей компьютерная коммуникация, по-видимому, благоприятствует неограниченной коммуникации, а во внутренних сетях компаний стимулирует участие работников нижних уровней⁷⁹. Женщины и другие угнетенные группы населения также, по-видимому, смогут выразить себя более открыто под защитой электронной системы, хотя нужно помнить, что пока женщины составляют меньшинство пользователей⁸⁰. Похоже, что символы власти, встроенные в методы коммуникации, соответствующие личным контактам, еще не нашли своего языка в новой компьютерной коммуникации. По причине исторической новизны и относительного повышения власти традиционно подчиненных групп, таких, как женщины, компьютерная коммуникация дает шанс перевернуть традиционные игры вокруг власти в коммуникационном процессе.

Переместив фокус анализа от *пользователей к пользованию*, нужно подчеркнуть, что *подавляющее большинство компьютерных коммуникаций имеет место на работе или в связанных с работой ситуациях*. Я рассматривал в главах 3 и 4 критическую важность компьютеров для новой формы сетевой организации и специфических условий труда людей, работающих в сетях. В контексте анализа культурных воздействий нужно рассмотреть символический изоморфизм в процессах труда, домашней работы и развлечений в новой структуре коммуникаций. Является ли отношение к компьютеру достаточно специфичным, чтобы связать работу, дом и развлечения в одной системе обработки символов? Или, напротив, контекст определяет восприятие и использование средства? Мы не имеем серьезных исследований этой проблемы, но некоторые предварительные наблюдения Пенни Гурстейн в ее диссертации⁸¹ показывают, что хотя люди, использующие компьютеры дома, по-видимому, довольны своей самостоятельностью в управлении временем и пространством, им не нравится отсутствие четкого разграничения между работой и досугом, семьей и бизнесом, личностью и функцией. В качестве гипотезы, которую стоит держать в памяти, скажем, что слияние разных областей опыта в одном и том же средстве несколько затуманивает институциональное разграничение этих областей и смешивает коды поведения.

Кроме выполнения профессиональных задач, компьютерная коммуникация уже охватывает всю сферу социальной активности. В то время как средние потребители никогда не любили заочные банковские операции (пока их не заставили включиться в них против воли), а телемагазины зависят от грядущего расцвета виртуальной реальности в мультимедиа, взрывное развитие персональных коммуникаций происходит через

электронную почту, e-mail - самый частый вариант пользования компьютерной коммуникацией за пределами рабочего места⁸². На деле ее широкое распространение заменяет не межличностную коммуникацию, но телефонные разговоры, поскольку автоответчики и магнитофонные голоса в сфере услуг воздвигли коммуникационный барьер, делающий e-mail наилучшей альтернативой непосредственному общению в избранное время. Компьютерный секс - другая крупная область использования компьютерных коммуникаций, и она быстро расширяется. Хотя имеется быстро растущий коммерческий рынок компьютеризированной сексуальной стимуляции, все более связанной с технологией виртуальной реальности⁸³, компьютерный секс состоит по большей части из разговоров либо по специализированным "доскам объявлений", либо когда люди спонтанно отвлекаются от обычных разговоров. Интерактивная мощь новых сетей сделала это занятие более популярным в Калифорнии 1990-х годов, чем во французском Minitel 1980-х⁸⁴. Боясь заражения и агрессивности при личном общении, люди ищут альтернативы для выражения своей сексуальности, и в нашей культуре символическая сверхстимуляция в компьютерной коммуникации безусловно открывает дорогу сексуальным фантазиям, особенно поскольку взаимодействие не визуально и идентичность участника можно скрыть.

Политика - также растущая сфера использования компьютерной коммуникации⁸⁵. С одной стороны, электронная почта используется для массового распространения направленной политической пропаганды с возможностью взаимообщения. Христианские фундаменталисты и "Американская милиция" в США, сапатисты в Мексике являются пионерами новой политической технологии⁸⁶. С другой стороны, демократия на местах обогащается через эксперименты в области электронного участия граждан в политической жизни, как, например, в программе PEN, организованной городом Санта-Моника в Калифорнии⁸⁷. В этой программе граждане обсуждают местные проблемы и сообщают о своих чувствах и мнениях муниципалитету. Яростные дебаты вокруг проблемы бездомности (с электронным участием самих бездомных) стали одним из наиболее известных результатов данного эксперимента в начале 1990-х годов.

За обычным социальным взаимообщением и инструментальным использованием компьютерной коммуникации исследователи обнаружили феномен формирования виртуальных сообществ. В соответствии с аргументами Рейнгольда⁸⁸ под ними обычно понимается самоорганизующаяся электронная сеть интерактивных коммуникаций, объединенная вокруг общих интересов или целей, хотя иногда коммуникация становится самоцелью. Такие сообщества могут быть относительно формализованы, как в случае конференций или системы "досок объявлений", либо спонтанно формироваться социальными сетями, которые подключаются к компьютерной сети, чтобы посылать и получать сообщения в избранной структуре времени (в отложенном или в реальном времени). В середине 1990-х годов в мире существовали десятки тысяч таких сообществ. Большинство из них базировалось в США, все чаще, однако, выходя на глобальный уровень. Еще неясно, как много социального общения действительно имеет место в таких электронных сетях и каковы культурные эффекты такой формы общения. Однако одну черту нужно отметить: такие сети, с точки зрения участников, эфемерны. В то время как данная конференция или "доска объявлений" вокруг ядра преданных делу любителей может жить долго, большинство вкладов во взаимодействие являются спорадическими, большинство людей входят в сети и выходят из них, когда их интересы меняются или ожидания остаются неосуществленными. Я выдвинул бы гипотезу, что в таких виртуальных сообществах "живут" две очень разные популяции: малое меньшинство жителей электронной деревни, "первопоселенцев электронного пограничья"⁸⁹, и бродячая толпа, для которой случайные вылазки в различные сети равносильны исследованию нескольких, хотя и эфемерных, существований⁹⁰.

Насколько специфичен язык компьютерной коммуникации как нового средства? Для некоторых аналитиков компьютерная коммуникация, особенно e-mail, представляет собой реванш письменности, возвращение к типографскому мышлению и восстановление конструируемого рационального дискурса. Для других, напротив, неформальность, спонтанность и анонимность нового средства стимулируют новую форму "оральности", устной речи, выраженной электронным текстом⁹¹. Если мы можем считать неформальное, неконструируемое написание текстов при общении в реальном времени аналогом телефонного разговора (письменного телефона...), может быть, можно предсказать появление нового средства, объединяющего формы коммуникации, разведенные ранее по различным областям человеческого мышления.

В целом, оценивая социальные и культурные воздействия компьютерной коммуникации, мы должны держать в памяти массив социальных исследований, касающихся социального использования технологий. Так, мастерская работа Клода Фишера о социальной истории телефона в Америке до 1940 г. показывает высокую социальную эластичность любой данной технологии⁹². Общины Северной Калифорнии, которые он изучал, приняли телефон, чтобы обогатить существующие сети социальных коммуникаций и укрепить свои глубоко укорененные социальные привычки. Телефон адаптировали, а не просто принимали. Люди формируют технологию, чтобы она соответствовала их собственным нуждам, как я показывал выше в отношении персонального и контекстуального восприятия телевизионных сообщений аудиторией. На это же ясно указывает массовое приятие Minitel французами для выражения своих сексуальных фантазий. Электронная система общения многих со многими, представленная компьютерной коммуникацией, использовалась различными путями и для разных целей, во всем диапазоне социальных и контекстуальных вариаций среди пользователей. Общим для компьютерных средств коммуникации является то, что, согласно немногочисленным в настоящее время исследованиям предмета, они не заменяют другие средства коммуникации и не создают новые сети, а укрепляют уже существующие социальные структуры. Они дополняют телефонные и транспортные коммуникации, расширяют охват социальных сетей, позволяя им взаимодействовать более активно и в самостоятельно избранное время. Поскольку доступ к компьютерной коммуникации культурно и экономически ограничен и останется таковым на долгое время, ее самым важным культурным воздействием потенциально может оказаться укрепление культурно доминирующих социальных сетей и рост их космополитизма и глобализации. Дело не в том, что компьютерная коммуникация более космополитична сама по себе; как показал Фишер, ранние телефонные сети благоприятствовали местной, а не междугородной связи. В некоторых виртуальных сообществах, например в SFNET в районе залива Сан-Франциско, большинство постоянных участников - местные жители, и некоторые из них периодически устраивают праздничные вечеринки, чтобы подкрепить электронную дружбу⁹³. Однако электронные сети в целом скорее усиливают космополитизм новых профессиональных и менеджерских групп, символически живущих в глобальных рамках, в отличие от большинства населения любой страны. Таким образом, компьютерная коммуникация может стать мощным средством укрепления социальной сплоченности космополитической элиты, обеспечивая материальную поддержку глобальной культуры - от электронного адреса (как элемента шика) до быстрой циркуляции модных сообщений.

Напротив, для большинства населения всех стран за пределами рабочего места использование компьютерной коммуникации будет все больше переплетено с новым миром коммуникаций, связанным с возникновением мультимедиа.

⁷¹ Я широко пользовался превосходным обзором литературы по теме, подготовленным аспирантом университета в Беркли Родом Бенсоном (1994). Некоторые эмпирические данные о Японии, основанные на анализе обследования 1993 г., см. в Sato et al. (1995). Интересные размышления о культуре Интернета имеются в глубокой работе Тёркла (Turkic, 1995).

⁷² См. Business Week (1994a); Business Week (1994e, f, g); El Pais/World Media (1995). Данные о распространении электронной коммуникации в Японии см. в Soumu-cho Toukei-kyoku (Bureau of Statistics, Management and Coordination Agency) (1995); Ministry of Posts and Telecommunications (1994a); Japan Information Processing Center (1994).

⁷³ Hamelink (1990).

⁷⁴ Оценки, пересмотренные Джоном Куотерменом из Техасского университета в Остине, приводятся в New York Times, August 10.

⁷⁵ Rafaeli and LaRose (1993).

⁷⁶ Schweitzer (1995); Sato et al. (1995).

⁷⁷ Lohr (1995).

⁷⁸ McLeod (1996).

⁷⁹ Sproull and Kiesler (1991); Rand Corporation (1995).

⁸⁰ Hiltz and Touroff (1993); Sato et al. (1995).

⁸¹ Gurstein (1990).

⁸² Lanham (1993); Rand Corporation (1995).

⁸³ Specter (1994).

⁸⁴ Armstrong (1994).

⁸⁵ Abramson et al. (1988); Epstein (1995).

⁸⁶ Castells, Yazava and Kiselyova (1996).

⁸⁷ Varley (1991); Ganley (1991).

⁸⁸ Rheingold (1993).

⁸⁹ Rheingold (1993).

⁹⁰ Turkic (1995).

⁹¹ December John. Characteristics of Oral Culture in Discourse on the Net. Неопубликованный доклад 1993 г., цитируемый и резюмированный Бенсоном (Benson 1994).

⁹² Fischer (1992).

6.6 Социальная теория пространства и теория пространства потоков

Пространство есть выражение общества. Поскольку наши общества подвергаются структурной трансформации, разумно предположить, что в настоящее время возникают новые пространственные формы и процессы. Цель анализа, представленного здесь, - идентифицировать новую логику, лежащую в основе таких форм и процессов.

Задача эта нелегкая, поскольку кажущееся простым признание значимого отношения между обществом и пространством скрывает глубокую сложность. Это происходит потому, что пространство не есть отражение общества, это его выражение. Иными словами, пространство не есть фотокопия общества, оно и есть общество. Пространственные формы и процессы формируются динамикой общей социальной структуры. Сюда входят противоречивые тенденции, вытекающие из конфликтов и стратегий взаимодействия между социальными акторами, разыгрывающими свои противостоящие интересы и ценности. Кроме того, социальные процессы влияют на пространство, воздействуя на построенную среду, унаследованную от прежних социопространственных структур. В действительности, пространство есть кристаллизованное время. Чтобы подойти к подобной сложности возможно проще, будем двигаться шаг за шагом.

Что есть пространство? В физике его нельзя определить вне динамики материи. В социальной теории его нельзя определить без ссылок на социальную практику. Поскольку эта область теоретизирования - одно из моих старых увлечений, я все же подойду к проблеме, допуская, что "пространство является материальным продуктом по отношению к другим материальным продуктам - включая людей, - которые вовлечены в (исторически) детерминированные социальные отношения, придающие пространству форму, функцию и социальное значение"⁷². В близкой и более ясной формулировке Дэвид Харви в своей книге *"The Condition of Postmodernity"* говорит:

"С материалистической точки зрения мы можем утверждать, что объективные концепции времени и пространства необходимо создаются через материальную практику и процессы, которые служат для воспроизведения социальной жизни... Фундаментальная аксиома моего исследования состоит в том, что время и пространство нельзя понять независимо от социального действия"⁷³.

Поэтому мы должны определить на общем уровне, что есть пространство с точки зрения социальной практики; затем идентифицировать историческую специфику социальных практик, например, в информационном обществе, которое лежит в основе возникновения и консолидации новых пространственных форм и процессов.

С точки зрения социальной теории пространство является материальной опорой социальных практик разделения времени (time sharing). Я немедленно добавляю, что любая материальная опора всегда несет в себе символическое значение. Под социальной практикой разделения времени я имею в виду факт, что пространство сводит вместе те практики, которые осуществляются одновременно. Именно отчетливое материальное выражение такой одновременности дает смысл пространству по отношению к обществу. Традиционно это понятие отождествлялось с близостью, однако фундаментальным является то, что мы отделяем базовую концепцию материальной опоры одновременных практик от понятия близости (contiguity), чтобы объяснить возможность существования материальной опоры одновременности, которая не связана с физической близостью,

поскольку именно таков случай доминирующих социальных практик информационной эпохи.

Я утверждал в предшествующих главах, что наше общество построено вокруг потоков: капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Потоки есть не просто один из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в нашей экономической, политической и символической жизни. Если дело обстоит именно так, материальной опорой процессов, доминирующих в наших обществах, будет ансамбль элементов, поддерживающих такие потоки и делающих материально возможным их отчетливое проявление в "одновременном времени". Поэтому я предлагаю идею, гласящую, что существует новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его: пространство потоков. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки. Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разьединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества. Доминирующие социальные практики встроены в доминирующие социальные структуры. Под доминирующими социальными структурами я понимаю такое устройство организаций и институтов, при котором внутренняя логика играет стратегическую роль в формировании социальных практик и общественного сознания в обществе в целом.

Абстрактную концепцию пространства потоков можно лучше понять, конкретизировав ее содержание. Пространство потоков, как материальную форму поддержки процессов и функций, доминирующих в информационном обществе, можно описать (скорее, чем определить) как сочетание по меньшей мере трех слоев материальной поддержки, которые, взятые вместе, образуют пространство потоков. Первый слой, первая материальная опора пространства потоков, состоит из цепи электронных импульсов (микроэлектроника, телекоммуникации, компьютерная обработка, системы вещания и высокоскоростного транспорта, также основанного на информационных технологиях), которые, взятые вместе, образуют материальную основу процессов, имеющих, по нашим наблюдениям, решающее стратегическое значение в сети общества. Это действительно материальная опора одновременных практических действий. Поэтому перед нами пространственная форма, такая же, как "город" или "регион" в организации торгового общества или индустриального общества. В наших обществах пространственное выражение доминирующих функций имеет место в сети взаимодействий, ставших возможными благодаря информационно-технологическим устройствам. В этой сети ни одно место не существует само по себе, поскольку позиции определяются потоками. Поэтому сеть коммуникаций является фундаментальной пространственной конфигурацией, места не исчезают, но их логика и значение абсорбированы в сети. Технологическая инфраструктура, на которой строится сеть, определяет новое пространство почти так же, как железные дороги определяли "экономические регионы" и "национальные рынки" индустриальной экономики; или очерченные внешними границами институциональные постановления граждан (и их технологически передовые армии) определяли "города" торгового общества в эпоху происхождения капитализма и демократии. Эта технологическая инфраструктура сама является выражением сети потоков, архитектура и содержание которых определяются силами, действующими в нашем мире.

Второй слой пространства потоков состоит из узлов и коммуникационных центров. Пространство потоков, в отличие от своей структурной логики, не лишено мест. Оно основано на электронной сети, но эта сеть связывает между собой конкретные места

счетко очерченными социальными, культурными, физическими и функциональными характеристиками. Некоторые из них - это коммутаторы, коммуникационные центры, играющие роль координаторов ради гладкого взаимодействия элементов, интегрированных в сети. Другие представляют собой узлы сети, места, где осуществляются стратегически важные функции, строящие ряд базирующихся в данной местности видов деятельности и организаций вокруг некоторой ключевой функции в сети. Расположение в узле связывает местность со всей сетью. Как узлы, так и коммуникационные центры организованы иерархически, в соответствии со своим относительным весом в сети. Но такая иерархия может меняться в зависимости от эволюции видов деятельности, пропускаемых через сеть. В некоторых случаях какие-либо места могут быть исключены из сети, результатом разрыва связей является мгновенный упадок, и, следовательно, экономическая, социальная и физическая деградация. Характеристики узлов зависят от функций, выполняемых данной сетью.

Некоторые примеры сетей и узлов помогут понять данную концепцию. В качестве характерной для пространства потоков сети легче всего представить себе сеть, состоящую из систем принятия решений в глобальной экономике, особенно систем, касающихся финансовой сферы. Это возвращает нас к представленному в этой главе анализу "глобального города" как процесса, а не как места. Анализ "глобального города" как производственного центра (сайта) информационной/глобальной экономики показал решающую роль "глобальных городов" в наших обществах и зависимость местных обществ и экономик от управленческих функций, осуществляемых в таких городах. Но за пределами главных "глобальных городов" другие континентальные, национальные и региональные экономики имеют собственные узлы, связывающие их с глобальной сетью. Каждый из этих узлов требует адекватной технологической инфраструктуры, системы вспомогательных фирм, обеспечивающих поддерживающие услуги, специализированного рынка труда и системы услуг, необходимых для профессиональной рабочей силы.

Как я показал выше, то, что истинно для высших управленческих функций и финансовых рынков, применимо также и к высокотехнологичному промышленному производству (и к отраслям, производящим высокотехнологичную продукцию, и к отраслям, использующим высокие технологии, т. е. ко всему передовому промышленному производству). Пространственное разделение труда, характеризующее высокотехнологичное производство, переходит в общемировую связь между инновационными средами, центрами высококвалифицированного производства, сборочными линиями и фабриками, ориентированными на рынок, причем имеется ряд межфирменных связей между разными операциями в разных местах производственных линий и другой ряд межфирменных связей между аналогичными функциями производства, расположенного в конкретных местах, которые стали производственными комплексами. Управленческие узлы, производственные центры и коммуникационные центры определены по сети и четко выражены в общей логике через коммуникационные технологии и программируемое, основанное на микроэлектронике, гибкое интегрированное производство.

Функции, которые должны выполняться каждой сетью, определяют характеристики мест, сделавшихся привилегированными функциональными узлами. В некоторых случаях, благодаря исторической специфике, которая привела к тому, что центром данной сети становится конкретная местность, центральными узлами сетей становятся самые неожиданные места. Например, было весьма маловероятно, чтобы Рочестер (штат Миннесота) или парижский пригород Villejuif станут центральными узлами мировой сети передовой медицины и медицинских исследований, тесно взаимодействующими между собой. Но расположение клиники Мэйо в Рочестере, а одного из главных центров лечения раковых заболеваний французской Администрации здравоохранения в Villejuif (в обоих

случаях по случайным, историческим причинам) создало комплексы генерирования знаний и передовых методов лечения в этих неожиданных местах. Однажды сложившись, они привлекли исследователей, врачей и пациентов со всего мира: они стали узлами мировой медицинской сети.

Каждая сеть определяет свои центры (сайты) в соответствии с функциями каждого центра и его местом в иерархии, а также с характеристиками продукта или услуги, которые обрабатываются в сети. Так, одна из самых могущественных сетей в нашем обществе - сеть производства и распределения наркотиков (включая отмывание денег) построила специфическую географическую систему, которая изменила значение, структуру и культуру обществ, связанных в сети⁷⁴. В сфере производства и сбыта кокаина центры выращивания коки - Чапаре или Альто Бене в Боливии или Альто Хуалланга в Перу - связаны с лабораториями по выработке готового кокаина и центрами управления в Колумбии, которые были до 1995 г. филиалами штаб-квартир Медельинского и Калийского картелей, которые, в свою очередь, связаны с такими финансовыми центрами, как Майами, Панама, Каймановы острова и Люксембург, с транспортными центрами сетей перевозки наркотиков в Мексике, такими, как Тамаулипас или Тихуана, и, наконец, с центрами распределения в основных метрополисах Америки и Западной Европы. Ни одно из этих мест не может существовать в такой сети само по себе. Картели и их ближайшие американские и итальянские союзники были бы скоро выброшены из бизнеса без боливийского или перуанского сырья, без швейцарских и германских химикатов, без полулегальных финансовых сетей в банковском раю и без сетей распределения в Майами, Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Амстердаме или Ла Корунье.

Поэтому, хотя в анализе глобальных городов дается самая прямая иллюстрация опирающейся на места ориентации пространства потоков в узлах и коммуникационных центрах, эта логика никоим образом не ограничена потоками капитала. Главные доминирующие процессы в нашем обществе отчетливо выражаются в сетях, которые связывают различные места и наделяют каждое из них ролью и весом в иерархии создания богатства, обработки информации и создания власти, которые, в конечном счете, и обуславливают судьбу каждой местности.

Третий важный слой пространства потоков относится к пространственной организации доминирующих менеджерских элит (скорее элит, чем классов), осуществляющих управленческие функции, вокруг которых строится организованное пространство. Теория пространства потоков начинается с допущения, гласящего, что общества асимметрично организованы вокруг доминирующих интересов, специфичных для каждой социальной структуры. Пространство потоков - не единственная пространственная логика наших обществ. Однако оно является доминирующей пространственной логикой, ибо в нашем обществе оно есть пространственная логика доминирующих интересов/функций. Но господство это не является чисто структурным. Оно осуществляется, т. е. воспринимается, решается и насаждается социальными акторами. Поэтому технократическая, финансовая и менеджерская элита, которая занимает в наших обществах ведущие позиции, будет также иметь специфические пространственные требования, касающиеся материальной/пространственной базы своих интересов и действий. Пространственные проявления информационной элиты составляют другое измерение пространства потоков. В чем состоят эти пространственные проявления?

Фундаментальная форма господства в нашем обществе основана на способности господствующих элит к организации, идущей рука об руку со способностью дезорганизовать те группы общества, которые, составляя численное большинство, видят свои интересы частично (если не вообще) представленными только в рамках

удовлетворения господствующих интересов. Четкая организация элит, сегментация и дезорганизация масс - вот, по-видимому, двойной механизм социального господства в наших обществах⁷⁵. Пространство играет в этом механизме фундаментальную роль. Короче говоря: элиты космополитичны, народы локальны. Пространство власти и богатства пронизывает весь мир, тогда как жизнь и опыт народов укоренены в конкретных местах, в их культуре, истории. Поэтому, чем больше социальная организация основана на внеисторических потоках, вытесняющих логику любого конкретного места, тем больше логика глобальной власти уходит из-под социополитического контроля со стороны исторически специфичных местных и национальных обществ.

Если элиты хотят сохранить социальную сплоченность, разработать совокупность правил и культурных кодов, с помощью которых они могли бы понимать друг друга и господствовать над другими, устанавливая границы своего культурного/политического сообщества, они не захотят и не смогут стать текучими сами. Чем более демократичны институты общества, тем четче элиты должны отличаться от населения, не допуская чрезмерного проникновения политических представителей последнего во внутренний круг принятия стратегических решений. Однако я не разделяю маловероятной гипотезы существования "властвующей элиты" *a la* Райт Миллс. Напротив, реальное социальное господство происходит из факта, что культурные коды встроены в социальную структуру таким образом, что владение этими кодами уже открывает доступ в структуру власти, и элите не нужно тайно блокировать доступ в свои сети.

Пространственное проявление такой логики принимает в пространстве потоков две главные формы. С одной стороны, элиты формируют свое собственное общество и составляют символически замкнутые общины, окопавшиеся за мощным барьером цен на недвижимость. Они определяют свое сообщество как пространственно ограниченную межличностную сетевую субкультуру. Я предлагаю гипотезу, согласно которой пространство потоков состоит из персональных микросетей, откуда интересы передаются через глобальное множество взаимодействий в пространстве потоков в функциональные макросети. Вот феномен, хорошо известный в финансовых сетях: крупные стратегические решения принимаются за ланчем в привилегированных ресторанах или в загородных домах за игрой в гольф, как в доброе старое время. Но выполняться такие решения будут мгновенно, через связанные телекоммуникациями компьютеры, и здесь, в ответ на рыночные тенденции, могут приниматься собственные решения. Таким образом, узлы пространства потоков включают жилое пространство и пространство для отдыха, которые вместе с резиденциями штаб-квартир и вспомогательными услугами образуют тщательно изолированные пространства, где сконцентрированы доминирующие функции и откуда имеется легкий доступ к космополитическим комплексам искусств, культуры и развлечений. Сегрегация достигается путем расположения в определенных местах и путем контроля над безопасностью этих мест, открытых только для элиты. С вершин власти и их культурных центров начинается ряд символических социопропространственных иерархий, где элита более низкого управленческого уровня может воспроизводить символы власти и присваивать их, создавая социопропространственные сообщества второго порядка, которые также будут стремиться изолировать себя от общества путем последовательной иерархической сегрегации. Все это, вместе взятое, равносильно социопропространственной фрагментации.

Вторая основная отличительная культурная черта элит в информационном обществе - это тенденция к созданию стиля жизни и дизайна пространственных форм, нацеленных на унификацию символического окружения элиты по всему миру. Исторически сложившаяся специфика каждой местности при этом вытесняется. Поэтому мы видим создание относительно замкнутых пространств на магистралях пространства потоков:

международных отелей, убранство которых, от дизайна комнат до цвета полотенец, должно создавать ощущение принадлежности к внутреннему кругу и абстрагирования от окружающего мира, а потому повсюду делается одинаковым. Комнаты отдыха для VIP ("очень важных персон") в аэропортах, предназначенные для поддержания дистанции между собой и обществом на магистралях пространства потоков; мобильный, персональный, *on-line* доступ к телекоммуникационным сетям, так что путешественник никогда не потеряется; система обслуживания поездов, услуги секретарей, взаимные приглашения и прием гостей - все это сплачивает узкий круг корпоративной элиты через соблюдение одинаковых ритуалов в разных странах. Кроме того, среди информационной элиты распространяется все более гомогенный стиль жизни, игнорирующий культурные границы обществ: регулярное пользование тренажерными залами, джоггинг; обязательная диета - лососина-гриль и зеленый салат, заменяемые в Японии национальными аналогами - *удоном* и *сашими*, стены цвета "светлой замши", создающие в интерьере атмосферу уюта; вездесущие компьютеры с жидкокристаллическими мониторами; сочетание деловых костюмов и спортивной одежды; стиль "унисекс" в одежде и т.п. Все это символы интернациональной культуры, идентичность которых связана не с каким-либо специфическим обществом, но с принадлежностью к управленческим кругам информационной экономики, игнорирующим глобальное культурное разнообразие.

Требование культурной общности между различными узлами пространства потоков отражается также в тенденции к архитектурному единообразию новых управленческих центров в различных обществах. Парадоксально, что попытка постмодернистской архитектуры сломать шаблоны и образцы архитектурной дисциплины привела в результате к навязчивой постмодернистской монументальности, сделавшейся в 1980-х годах общим правилом в зданиях новых корпоративных штаб-квартир от Нью-Йорка до Каошуна. Таким образом, пространство потоков включает символическую связь гомогенной архитектуры в узлах сетей во всем мире. Архитектура бежит от истории и культуры каждого общества и попадает в новый чудесный мир неограниченных возможностей, который скрывается за логикой средств массовой информации. Это культура электронного серфинга, где мы якобы можем вновь изобрести все формы в любом месте, стоит лишь прыгнуть в культурную неопределенность потоков власти. Замкнутость архитектуры во внеисторических абстракциях означает формальную границу пространства потоков.

---

⁷² Castells (1972:152).

⁷³ Harvey (1990: 204).

⁷⁴ Arrieta al.(1991); Lasema (1995)

⁷⁵ См. Zukin (1992).

7.2 Время, история и общество

В классической книге Витроу показал, как значительно варьировали представления о времени на протяжении истории: от предопределенности человеческой судьбы в вавилонских гороскопах до ньютоновской революции, связанной с абсолютным временем как организующим принципом природы⁴. Найджел Трифт напомнил нам о том, что время в средневековых обществах было понятием неопределенным: некоторые значительные события (религиозные празднества, ярмарки, приход нового времени года)

становились временными вехами, между которыми проходила большая часть повседневной жизни, не имеющей точной временной разметки⁵. Чтобы проиллюстрировать широкую контекстуальную вариацию такого очевидно простого жизненного факта, давайте посвятим несколько параграфов рассмотрению изменения понятия времени в русской культуре в течение двух критических исторических периодов: реформ Петра Великого и подъема и упадка Советского Союза⁶.

Традиционная, народная русская культура рассматривала время как вечное, не имеющее ни начала, ни конца. Андрей Платонов, писавший в 1920-х годах, подчеркивал глубоко укоренившееся представление о России как о вневременном обществе. Однако Россию периодически потрясали этатистские модернизационные усилия, направленные на организацию жизни вокруг времени. Первая целенаправленная попытка привязать жизнь ко времени была предпринята Петром Великим. После своего возвращения из долгого путешествия за границу для приобретения знаний о жизни (*ways and means*) более развитых стран он решил в буквальном смысле слова начать в России новую эпоху, перейдя к западно-европейскому (Юлианскому) календарю и начав новый год в январе вместо сентября, как было раньше. 19 и 20 декабря 1699 г. он издал два указа, согласно которым несколько дней спустя в России начнется XVIII в. Он дал детальные инструкции относительно того, как праздновать новый год, включая рождественскую елку, и добавил новый выходной день, чтобы переманить на свою сторону традиционалистов. И если некоторые дивились на то, как царская воля повелевает ходом Солнца, другие были в трепете от оскорбления, нанесенного Богу: разве не было 1 сентября днем Сотворения мира в 5508 г. до Р.Х.? Разве это не должно было быть именно так в силу того, что дерзновенный акт Творения мог происходить при теплой погоде, каковая чрезвычайно маловероятна в русском январе? Петр Великий лично спорил со своими критиками в своей обычной воспитательной манере, увлекаясь поучениями о мировой географии времени. Его упрямство коренилось в реформистском побуждении сделать Россию идентичной Европе и подчеркнуть измеряемые временем обязательства людей по отношению к государству. Хотя внимание в этих указах было сосредоточено строго на календарных вопросах, реформы Петра Великого в широком смысле ввели разделение между временем религиозного долга и светским временем, которое положено отдавать государству. Измеряя и облагая налогами время людей, подавая личный пример интенсивного, распределенного по времени рабочего графика, Петр Великий положил начало вековой традиции соединения службы стране, подчинения государству и исчисления временного хода жизни.

На заре существования Советского Союза Ленин разделял восхищение Генри Форда тейлоризмом и "научной организацией труда", основанной на измерении времени труда, вплоть до мельчайшего движения у сборочной линии. Но сжатие времени, произошедшее при коммунизме, имело определяющую все идеологическую специфику⁷. В то время как согласно фордизму ускорение работы было связано с деньгами посредством увеличения оплаты труда, при сталинизме не только деньги считались злом (в соответствии с русской традицией), но и время должно было ускоряться идеологической мотивацией. Стахановство предполагало выполнение большей работы в единицу времени как службу стране, и пятилетние планы выполнялись за четыре года как доказательство способности нового общества революционизировать время. В мае 1929 г. на V Всесоюзном Съезде Советов, отмечавшем триумф Сталина, была предпринята попытка еще больше ускорить время: введена непрерывная рабочая неделя ("*непрерывка*"). Хотя рост производительности был декларируемой целью реформы, на деле же, в традициях Французской Революции, преследовалась цель разрушить недельный ритм религиозных ритуалов. Так, в ноябре 1930 г. каждый шестой день был сделан выходным, но традиционный семидневный цикл по-прежнему отвергался. Протесты, исходившие от

семей, разделенных различиями в рабочих графиках своих членов, вернули в 1940 г. семидневную неделю назад. Это было сделано, в частности, еще и потому, что в то время как города были на шестидневке, большая часть сельской местности по-прежнему соблюдала традиционную неделю, создавая опасный культурный раскол между крестьянами и промышленными рабочими. Действительно, во время форсированной коллективизации, нацеленной на уничтожение общинного понятия медленно текущего времени, укорененного в природе, семье и истории, социальное и культурное сопротивление такому жестокому вмешательству было широко распространенным, показывая глубину временного основания социальной жизни. Однако в то время как на рабочем месте время уплотнялось, временной горизонт коммунизма всегда оставался в долгосрочном периоде и до известной степени в вечности, что выражалось в воплощенном бессмертии Ленина и в попытке Сталина создать из себя идола при жизни. Соответственно, в 1990-х годах коллапс коммунизма переориентировал русских, и особенно новые профессиональные классы, с долгосрочного горизонта исторического времени на краткосрочные перспективы времени монетизированного, характеризующего капитализм, заканчивая, таким образом, многовековое этатистское разделение между временем и деньгами. Сделав это, Россия присоединилась к Западу именно в тот момент, когда развитый капитализм революционизировал свою собственную временную структуру.

В современных обществах в целом все еще доминирует понятие часового времени, механического/категориального изобретения, которое Э. Томпсон⁸, среди прочих, рассматривает как критически важное для устройства индустриального капитализма. В материальных терминах современность может быть представлена как доминирование часового времени над пространством и обществом - тема, разработанная Гидденсом, Лэшем и Урри, а также Харви. Время, как повторение ежедневной рутины (определение, данное Гидденсом⁹) или как "господство над природой, когда все виды явлений, практик и мест становятся подчиненными обесцвечивающему, централизующему и универсализующему ходу времени" (слова Лэша и Урри¹⁰), лежит в основе как индустриального капитализма, так и этатизма. Индустриализация принесла хронометр на сборочные линии фордовских и ленинских фабрик практически одновременно¹¹. К концу XIX в. перемещения на большие расстояния происходили с помощью гринвичского времени, как материализация гегемонии Британской Империи. В то же время столетия спустя характерной чертой устройства Советского Союза стала организация громадной территории с помощью московского времени, причем временные зоны произвольно устанавливались бюрократическими соглашениями безотносительно к географическому расстоянию. Знаменательно, что первым актом открытого неповиновения балтийских республик во времена горбачевской *перестройки* стало их требование принять временные зоны Финляндии в качестве официального времени своих территорий.

Это линейное, необратимое, измеримое, предсказуемое время дробится на куски в сетевом обществе, в движении, имеющем чрезвычайное историческое значение. Однако мы не просто становимся свидетелями релятивизации времени в соответствии с социальными контекстами или (как альтернативной возможности) возвращения к временной обратимости, такой, как если бы реальность можно было бы полностью заключить в циклические мифы. Трансформация же более масштабна: это смешивание времен для создания вечной вселенной, не саморасширяющейся, но самоподдерживаемой, не циклической, но случайной, не рекурсивной, но инкурсивной (*incursive*): вневременное время, использующее технологию для того, чтобы избавиться от контекстов своего существования и избирательно присваивать любую ценность, которую мог бы предложить каждый контекст вечно-настоящему. Я утверждаю, что это происходит сейчас не только потому, что капитализм борется за свое освобождение от всей скованности, так как это

освобождение все время было тенденцией капиталистической системы, не способной материализовать его полностью¹². Недостаточны и ссылки на культурные и социальные восстания против часового времени, так как они характеризовали историю прошлого столетия, фактически не приводя к уменьшению его господства, а на деле же распространяя его логику дальше посредством включения часового распределения времени жизни в социальный контракт¹³. Свобода капитала от времени и избавление культуры от часов определяющим образом ускорены новыми информационными технологиями и встроены в структуру сетевого общества.

Произнеся эти слова, я продолжу тем, что конкретизирую их значение. Таким образом, в конце этой главы у социологического анализа есть шанс заместить метафорические утверждения. Чтобы сделать это без раздражающего повторения, я буду полагаться на эмпирические наблюдения, представленные в других главах этой книги, посвященных преобразованию различных областей социальной структуры, добавляя иллюстрации или анализ тогда, когда это необходимо, чтобы сделать материал более понятным. Так, я буду последовательно изучать воздействия, оказываемые на время преобразованиями в экономической, политической, культурной и социальной сферах, и закончу попыткой реинтеграции времени и пространства в их новом, противоречивом взаимоотношении. В этом исследовании преобразования времени, идущего в совершенно различных социальных сферах, я буду, так сказать, схематичен в своих утверждениях, так как физически невозможно на нескольких страницах полностью развить анализ таких сложных и разнообразных областей, как глобальные финансы, рабочее время, жизненный цикл, смерть и средства передачи информации. Однако работая со столь многими и различными вещами, я пытаюсь выделить из этого многообразия разделяемую ими логику новой темпоральности*, проявляющую себя во всем спектре человеческого опыта. Таким образом, цель данной главы - не резюмировать преобразование социальной жизни во всех ее измерениях, а скорее показать согласованность структур в возникновении новой концепции темпоральности, которую я называю *вневременное время*.

Я должен сделать еще одно предостережение. Преобразование времени (так, как оно рассмотрено в данной главе) не связано со всеми процессами, социальными группами и территориями в наших обществах, хотя и влияет на всю планету. То, что я называю *вневременным временем*, есть только возникающая, доминантная форма социального времени в сетевом обществе, так как пространство потоков не отрицает существования мест. Мое утверждение состоит в точности в том, что социальное господство осуществляется посредством избирательного включения или исключения функций и людей из различных временных и пространственных рамок. Я вернусь к этой теме в конце главы, после того как исследую профиль времени в его новой доминантной форме.

---

4 Witrow (1988). Прекрасный пример культурно-исторической вариации мер времени и пространства можно найти в очаровательной книге Zerubavel (1985).

5 Thrift (1990).

6 Совокупным источником этого анализа изменения времени в русской культуре является серия неопубликованных презентаций и дискуссий на конференции, посвященной времени и деньгам в русской культуре, организованной Калифорнийским университетом. Центром славянских и восточно-европейских исследований Беркли и Центром русских и восточно-европейских исследований Стэнфордского университета и проходившей 17 марта 1995 г. (персональные заметки и краткое содержание заседания сделаны Эммой Киселевой). Из значительных докладов этой конференции я использовал доклад Живова (Zhivov (1995)). В дополнение к этому, о временном подтексте реформ Петра Великого см.: Waliszewski (1990), Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. (1994), Anisimov (1993).

7Анализ времени в Советском Союзе см.: Hanson (1991); Castillo (1994); о событиях, относящихся к "непрерывной рабочей неделе" при Сталине см. Zerubavel (1985:35-43).

8Thompson (1967).

9Giddens(1984).

10Lash, Urri (1994: 229).

11Castillo(1994).

12Как показывает Harvey (1990).

13Hinrichs et al. (1991), см. также Rifkin (1987).

* От слова temporality - временный характер. - *Прим. ред.*

7.9 Виртуальное время

Культура реальной виртуальности, ассоциированной с электронно-интегрированными мультимедийными системами, как утверждалось в главе 5, вносит двоякий вклад в преобразование времени в нашем обществе: в виде одновременности и вневременности.

С одной стороны, моментальное распространение информации по всему земному шару, прямые репортажи с места происшествий обеспечивают беспрецедентную темпоральную мгновенность социальным и культурным событиям⁷³. Возможность минута за минутой следить в реальном времени за распадом Советского Союза в августе 1991 г. с синхронным переводом российских политических дебатов ввела новую эру коммуникации, когда можно быть непосредственным свидетелем того, как создается история, при условии, что контролерам информации это кажется достаточно интересным. Кроме того, опосредованные компьютерами коммуникации делают возможным диалог в реальном времени, объединяя людей по интересам в интерактивной многосторонней телеконференции ("чате"). Временную задержку с ответом можно легко преодолеть, так как новые коммуникационные технологии обеспечивают чувство мгновенности, которая побеждает временные барьеры так же, как и телефон, но только с гораздо большей гибкостью, когда стороны могут сделать паузу на несколько секунд или минут для того, чтобы достать новую информацию, расширить царство коммуникаций, не испытывая давления, присущего плохо приспособленному к длительному молчанию телефону.

С другой стороны, смешение времен в СМИ, происходящее внутри одного и того же канала связи и по выбору зрителя/участника взаимодействия, создает временной коллаж, в котором не только смешиваются жанры, но и их временная развертка превращается в плоский синхронный горизонт без начала, без конца и без какой-либо последовательности. Вневременность мультимедийного гипертекста есть определяющая черта нашей культуры, формирующая ум и память детей, получающих образование в новом культурном контексте. История сначала организуется в соответствии с доступностью визуального материала, а затем подчиняется компьютеризованной возможности выбирать в окнах мгновения, которые нужно склеить или разделить, в соответствии со специфическими потребностями. Школьное обучение, развлечения с помощью СМИ, специальные репортажи новостей или реклама организуют темпоральность так, как это им удобно, поэтому достижения культуры, извлеченные из всего человеческого опыта, лишены временной последовательности. Если энциклопедии

упорядочили человеческое знание по алфавиту, то электронные СМИ обеспечивают доступ к информации, выражению и восприятию ее в соответствии с побуждениями потребителя или с решениями производителя. Если поступать подобным образом, то вся упорядоченность значительных событий теряет свой внутренний хронологический ритм и временная последовательность этих событий устанавливается в зависимости от социального контекста их использования. Таким образом, эта культура есть одновременно и культура вечного, и культура эфемерного. Вечного - потому, что она охватывает всю последовательность культурных выражений. Эфемерного - потому, что всякая организация, всякое специфическое упорядочение зависят от контекста и цели, ради достижения которой данный культурный конструкт требуется. Мы находимся не в культуре цикличности, а во вселенной недифференцированной темпоральности культурных выражений.

Я обсуждал взаимоотношения между идеологией конца истории, материальными условиями, созданными в логике пространства потоков, и возникновением постмодернистской архитектуры, где все культурные коды могут быть смешаны без последовательности или упорядочения, ибо мы находимся в мире ограниченных культурных выражений. Вечное/эфемерное время также соответствует этому особому культурному состоянию, поскольку выходит за рамки любой частной последовательности. Дэвид Харви, придерживаясь схожей аргументации, блестяще показал взаимодействие между постмодернистской культурой, будь то архитектура, кино, изобразительное искусство или философия, и тем, что он называет "постмодернистским состоянием", порожденным пространственно-временным сжатием. Хотя я думаю, что он возлагает на логику капитализма более высокую ответственность за текущий процесс культурной трансформации, чем она того заслуживает, его анализ раскрывает социальные источники внезапной сходящейся эволюции культурных выражений в направлении отрицания смысла и утверждения иронии в качестве высшей ценности⁷⁴. Время сжимается и совершенно отвергается в культуре, как примитивная копия быстрого оборота в производстве, потреблении, идеологии и политике, на котором основано наше общество. Скорость обеспечивается исключительно благодаря новым коммуникационным технологиям.

Однако культура не просто воспроизводит во всех своих проявлениях логику экономической системы. Историческое соответствие между политической экономией символов и символами политической экономии не является достаточным аргументом для характеристики возникновения вневременного времени в постмодернизме. Я думаю, мы должны добавить что-то еще: специфику новых культурных выражений, их идеологическую свободу просматривать всю планету и всю историю человечества, интегрировать и смешивать в один супертекст любой знак откуда угодно: от рэповой культуры американских гетто, которую через несколько месяцев после ее появления начали копировать в поп-группах Тайбэя и Токио, до буддийского спиритуализма, трансформированного в электронную музыку. Вечное/эфемерное время новой культуры соответствует логике гибкого капитализма и динамике сетевого общества, но добавляет своей собственный уровень влияния, устанавливая индивидуальные мечты и коллективные представления в безвременном ментальном ландшафте.

Возможно, музыка New Age, увлечение которой столь характерно для сегодняшних профессионалов повсюду в мире, является представителем вневременного измерения возникающей культуры, соединяя реконструированную буддийскую медитацию, электронное звуковоспроизведение и изощренную калифорнийскую композицию. Электрическая арфа Хиллари Стаггз, модулирующая амплитуду основных нот в бесконечной вариации простой мелодии, или длинные паузы и неожиданные изменения

громкости мучительной безмятежности Рэя Линча соединяют внутри одного и того же музыкального текста ощущение расстояния и возвращения, с неожиданным подъемом сдерживаемого чувства, как блики жизни в океане вечности - ощущение, часто подчеркивающееся звуковым фоном из шума волн океана или ветра пустыни во многих композициях стиля New Age. Я полагаю, что New Age есть классическая музыка нашей эпохи. Наблюдая ее влияние в столь многих различных контекстах, но всегда среди одних и тех же социальных групп, можно предположить, что манипуляция со временем, навязчивой идеей которой является двойственное обращение к мгновенности и вечности: "Я" и Вселенная, личность и сеть, - это повторяющаяся тема новых культурных выражений. Такое примирение, фактически вплавляющее биологического индивида в космологическое целое, может быть достигнуто только при условии слияния всех времен: от создания нас самих до гибели Вселенной. Вневременность есть повторяющаяся тема культурных выражений нашего века - в виде ли внезапных всплесков видеоклипов или вечного эха электронного спиритуализма.

---

⁷³ Wark (1994); Campo Vidal (1996).

⁷⁴ Harvey (1990: 284ff).

7.10 Время, пространство и общество: край вечности

Итак, что же в конце концов есть время, это неуловимое понятие, которое озадачивало Св. Августина, ввело в заблуждение Ньютона, вдохновляло Эйнштейна, мучило Хайдеггера? И как оно трансформировалось в нашем обществе?

В целях своего исследования я нахожу полезным обратиться к Лейбницу, для которого время есть последовательность "вещей", так что без "вещей" не было бы никакого времени⁷⁵. Современные представления о понятии времени в физике, биологии, истории и социологии, по-видимому, не противоречат такой ясной, синтетической концепции. Более того, мы можем лучше понять происходящую трансформацию темпоральности, соотносясь с понятием времени Лейбница. Я выдвигаю идею, согласно которой вневременное время, как я назвал господствующую темпоральность нашего общества, возникает, когда характеристики данного контекста, а именно информационная парадигма и сетевое общество, порождают систематическую пертурбацию в порядке следования явлений, происходящих в этом контексте. Эта пертурбация может принимать форму сжатия временных промежутков между событиями, нацеленного на мгновенность, или же случайных разрывов в последовательности событий. Устранение очередности создает недифференцированное время, которое равнозначно вечности.

Конкретный анализ, представленный в данной главе, дает иллюстрации самостоятельных проблем, которые стоят за такой абстрактной характеристикой. Секундные транзакции капитала, гибкое предпринимательство, варьируемое рабочее время жизни, размывание жизненного цикла, поиск вечности через отрицание смерти, мгновенные войны и культура виртуального времени суть фундаментальные явления, характерные для сетевого общества, которые систематически перемешивают последовательность времен.

Тем не менее эта характеристика не относится ко всему времени в человеческом опыте. Фактически, большинство людей и большинство мест в нашем мире живут в другой темпоральное.

Я упоминал чудовищный контраст между мгновенными войнами и исчезновением войны на жизненном горизонте большинства населения ведущих стран, с одной стороны, и бесконечное, ежедневное ведение боевых действий в местах, разбросанных по всей планете, с другой. Подобное утверждение можно распространить на все моменты, связанные с новой темпоральностью. Уровень детской смертности в Уругвае и в бывшем СССР в 2 раза выше среднего значения этого показателя в США, однако равен уровню детской смертности в Вашингтоне (округ Колумбия). Несмотря на то, что смерть и болезни отступают повсюду в мире, в 1990 г. ожидаемая продолжительность жизни населения в экономически отсталых странах была на 25 лет меньше, чем в развитых регионах. Гибкое по времени сетевое производство и управление собственным временем в Северной Италии или Силиконовой долине мало что значат для миллионов рабочих, стоящих у сборочных линий в Китае и Юго-Восточной Азии. До сих пор гибкие графики для большинства городского населения мира означают возможность их выживания в непредсказуемых структурах занятости неформальной экономики, где понятие безработицы чуждо системе, в которой ты умрешь, если не будешь работать, - максимальная гибкость, бесконечные рабочие дни, непредсказуемое будущее. К примеру, мобильная телефония увеличивает временную/пространственную гибкость личной и деловой связи. На улицах Лимы в 1995 г. она породила и новую форму неформального бизнеса, получившего прозвище "cholular"⁷⁶: уличные торговцы связью бродят с сотовыми телефонами, предлагая сделать платный звонок проходящим мимо людям. До сих пор виртуальная культура для большей части населения связана с пассивным просмотром телепрограмм после изматывающего рабочего дня, когда сознание захватывается образами из "мыльных опер" про техасских миллионеров, странным образом одинаково знакомых как подросткам Марракеша, так и домохозяйкам Барселоны, где из искренней гордости за свою национальную идентичность их смотрят в переводе на каталонский.

Вневременное время принадлежит пространству потоков, тогда как временная дисциплина, биологическое время и социально детерминированный порядок следования характеризуют местности всего мира, материально структурируя и деструктурируя наши сегментированные общества. Пространство придает форму времени в нашем обществе, обращая вспять историческую тенденцию: потоки порождают вневременное время, места ограничены временем⁷⁷. Идея прогресса, являющаяся базисом нашей культуры и общества в течение двух последних столетий, основана на движении истории, фактически на предопределенной последовательности истории, идущей под руководством разума и под воздействием производительных сил, избегающих сдержек пространственно ограниченных обществ и культур. Власть над временем, контроль над ритмичностью колонизировали территории и преобразовали пространство в процессе широкомасштабной индустриализации и урбанизации, произведенных двумя процессами-близнецами: формированием капитализма и этатизма. *Становление* структурировало *существование*, время приспособило пространство.

Доминирующая тенденция в нашем обществе являет нам исторический реванш пространства, структурирующего темпоральность, исходя из пространственной динамики, придавая ей различные, иногда даже противоречивые логики. Пространство потоков, как было проанализировано в предыдущей главе, растворяет время, разупорядочивая последовательность событий и делая их одновременными, помещая общество в вечную эфемерность. Пространство многочисленных мест, разбросанных, фрагментированных и разъединенных, демонстрирует разнообразные темпоральности: от простейшего господства природных ритмов до строжайшей тирании часового времени. Избранные функции и индивиды преодолевают время⁷⁸, тогда как малоценная деятельность и жизнь подчиненных людей идут вслед за временем. В то время как возникающая логика новой социальной структуры нацелена на непрерывное вытеснение времени как упорядоченной

последовательности событий, большая часть общества в глобальной взаимосвязанной системе остается на краю новой Вселенной. Вневременность бороздит океан, окруженный ограниченными временем берегами, откуда по-прежнему можно услышать стенания скованных временем созданий.

Кроме того, логика вневременности не проявляется без сопротивления в обществе. Как места и локальности стремятся вернуть себе контроль над общественными интересами, включенными в пространство потоков, так и понимающие время социальные акторы пытаются взять под контроль внеисторическое (ahistorical) господство вневременности. Именно вследствие того, что наше общество достигает понимания материальных взаимодействий во всей окружающей среде, наука и технология наделяют нас возможностью предвидеть новый вид темпоральности: темпоральность, также помещенную в рамки вечности, однако включающую исторические последовательности. Это то, что Лэш и Урри называют "ледниковым временем", понятие, при котором "отношения между людьми и природой являются очень долгосрочными и эволюционными. Оно тянется из современной человеческой истории назад - в прошлое и вперед - в неопределенное будущее"⁷⁵. Фактически, противоположность управления "ледниковым временем" и поиска вневременности закрепляет на противоречивых позициях в социальной структуре инвайронменталистское движение и силы, присутствующие в нашем обществе (см. II том англ. издания). Итогом нашей дискуссии должно стать представление о конфликтной дифференциации времени, понимаемой как влияние противостоящих социальных интересов на последовательность явлений. Эта дифференциация, с одной стороны, имеет отношение к контрасту логики вневременности, структурируемой пространством потоков, и логик множественных, подчиненных темпоральностей, связанных с пространством мест. С другой стороны, противоречивая динамика общества противостоит как поиску человеческой вечности, аннигилируя время в жизни, так и реализации космологической вечности посредством внимания, уделяемого "ледниковому времени". Между подчиненными темпоральностями и эволюционной природой поднимается на краю вечности сетевое общество.

---

⁷⁵ Хотя анализ пространства и времени вкраплен во все философские взгляды Лейбница, одна из наиболее ясных формулировок его мыслей содержится в следующем параграфе, извлеченном из его переписки с Кларком (1715-1716): "Я не единожды утверждал, что рассматриваю пространство как нечто чисто относительное, подобно времени: пространство есть порядок со-существований, а время есть порядок следований. Ибо пространство обозначает с точки зрения возможности порядок вещей, которые существуют одновременно, до тех пор, пока они существуют вместе, и не связано с их частными способами существования: и когда мы видим несколько вещей вместе, мы начинаем воспринимать этот порядок вещей вокруг нас... То же справедливо и для времени... Мгновения отдельно от вещей суть ничто, и они состоят только в последовательном порядке вещей." (Цит. по изданию: Parkinson (ed.) 1997: 211-12) (Курсив мой. - М/С.).

⁷⁶ "Cholo"- имя, которым в просторечии называют жителей перуанского побережья. Слово "cholular" играет на лингвистическом соединении сотовой (cellular) телефонии и индивидуальности перуанской столицы.

⁷⁷ Эта концепция в чем-то похожа на конструкцию пространственно-временных режимов, предложенную Иннисом (Innis (1950,1951)). Однако я не претендую на интеллектуальное

родство с этой теорией, так как полагаю, что он, вероятно, не согласился бы с моим совокупным анализом времени.

⁷⁸ Утверждение, что профессиональная элита наших обществ переступает через время, может показаться противоречащим интуиции. Разве они (мы) не сталкиваются(емся) каждый день с часами? Мое утверждение состоит в том, что эта модель поведения в точности есть следствие нацеленности на непрерывное вытеснение времени и ритмичности из жизненного цикла (старение, карьерное продвижение), порожденное нашей культурой/организацией и очевидным образом облегченное новыми технологическими средствами. Что приносит больше стрессов, нежели ежедневная борьба со временем?

⁷⁹ Lash, Urry (1994:249).